Музей древностей

Рыбинскій
Софійскій женскій монастырь.

Музея Древностей

Ярославль.
Типографія Г. Фалькъ.
1886.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
15196-67

Печатать дозволяется. Ярославль. Августа 20 дня 1886 года.
Цензоръ прот. *Н. Барскій.*

Глава I.

Первоначальное образованіе общины и ея переселенія.

Въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ Адріановомъ монастырѣ Пошехонскаго уѣзда Ярославской епархіи, въ семи верстахъ отъ города Пошехонья, подвизался знаменитый по святости жизни инокъ-іеромонахъ Адріанъ. Усиленная молитва, всегдашнее воздержаніе въ пищѣ и питіи, кроткое и привѣтливое обращеніе съ посѣтителями обители, глубокая мудрость предлагаемыхъ совѣтовъ привлекали къ отцу Адріану множество посѣтителей всѣхъ возрастовъ и сословій. Къ нему обращались болящіе и скорбные духомъ и уходили съ упованіемъ и надеждою; къ нему шли боримые искушеніями,— и духъ ихъ оживалъ подъ благодатнымъ вліяніемъ бесѣды съ благочестивымъ старцемъ. Къ нему являлись мужи и жены, старцы и юноши, стоявшіе на распутіи міра, не знавшіе, на что рѣшиться, чему себя посвятить,— и старецъ, бесѣдуя съ ними, раскрывалъ мысленному взору ихъ путь Божій, нерѣдко тернистый, страшный для плоти, но путь истинно-богоугодный и легко усвоявшійся тѣми, кто душей и сердцемъ слѣдовалъ ему. Многіе желали быть подъ его руководствомъ и жить при немъ неразлучно, или же просить у него послушанія, въ чемъ Господь и умудрялъ его; для всѣхъ находилъ онъ послушаніе: кому назначалъ старецъ песочку поносить, кому дорожки подѣлать, кому списывать молитвы угоднику Божію Адріану чудотворцу. Инымъ назначалъ списывать краткое, другимъ—полное житіе этого угодника; и всѣ съ покорностью исполняли труды, назначаемые старцемъ, да и послѣ отзывались, что испытывали особенное чувство къ Богу и спокойствіе душевное при та-

кихъ занятіяхъ. Съ большинствомъ посѣтителей старецъ Адріанъ бесѣдовалъ не лично, а чрезъ письма, или записки, съ нарочными посылаемыя, и всегда дѣлалъ краткіе отвѣты на каждое желаніе, сомнѣніе, или мысль, или немощь душевную, въ письмѣ изложенныя; онъ и хвалитъ, и порицаетъ, и благословляетъ, и нелицепріятно наказуетъ обращающихся къ нему съ такими письмами. Должно по справедливости сказать, что такіе отвѣты его были очень разумны и прозорливы; при очевидной строгости назначавшихся иногда наказаній поклонами до 100, 300, 500, до 1000, и даже до 3000 поклоновъ, они невольно располагали къ подчиненію волѣ старца [1]) и смиряли жестокіе нравы грѣшниковъ.

Случалось, приходили на совѣтъ и дѣвы, стремившіяся къ жизни Богоугодной; не отказывалъ отецъ Адріанъ и симъ, ищущимъ спасенія, въ совѣтѣ и духовномъ руководствѣ. Такихъ дѣвицъ и вдовъ было много, и число ихъ постоянно увеличивалось. Между ними чаще другихъ являлась къ нему нѣкая благочестивая дѣвица Матрона Ивановна Гулина и сама, наставляемая мудрымъ старцемъ, въ свою чреду руководила другихъ своихъ сверстницъ. По указанію подвижника, онѣ наняли себѣ общую квартиру, завели общій столъ, общій трудъ, общее хозяйство. Каждый день начинался у нихъ молитвою; такова была воля отца Адріана. Нужно ли было начинать какую либо работу, Гулина ходила за благословеніемъ къ старцу, и начатое дѣло вѣнчалось добрымъ успѣхомъ. Нужно ли было произвести какія либо улучшенія въ квартирѣ, или хозяйствѣ, община рѣшалась на это не иначе, какъ по указанію старца. Иногда, на первыхъ порахъ, возникали между сестрами недоумѣ-

---

[1]) Отвѣты старца переписывать и разсылать помогала одна благочестивая дѣвица изъ дворянскаго сословія Анна Николаевна Леонтьева. Какъ велика была эта переписка; можно судить по двумъ книгамъ, отпечатаннымъ на средства Софійскаго монастыря въ 1861 году изъ благоговѣнія къ памяти старца. Но отпечатанное составляетъ не болѣе какъ 30-ю часть всей переписки о. Адріана. Когда начали тѣснить старца и вынудили его къ перемѣщенію въ другую обитель; то было сожжено, говоритъ очевидица, впослѣдствіи монахиня и игумения Иверской женской обители Митрофанія, сожжено цѣлыхъ пять осминныхъ мѣшковъ такой переписки на нашихъ глазахъ.

нія и пререканія и немедленно отдавались на рѣшеніе духовнаго наставника; тогда отецъ Адріанъ, какъ отецъ сердобольный, умиротворялъ пререканія и пресѣкалъ дѣйствія и послѣдствія непріязни, болѣе всего училъ бояться ссоры и вражды между собою, и при этомъ напоминалъ всѣмъ, чтобы сестры хранили миръ въ общежитіи, и что онъ готовитъ ихъ къ жизни монастырской, душеполезной.

Но вотъ общинѣ вдругъ выпадаетъ горе. Противъ старца начали являться наговоры и ложные извѣты; съ годами зависть къ славѣ старца и ненависть усилились и оклеветали подвижника Христова предъ духовнымъ начальствомъ. Въ скорбныхъ обстоятельствахъ жизни старецъ писалъ къ одному изъ настоятелей иноческой обители, въ отвѣтъ на его письмо: „Начальникова на меня зависть и ненависть — за то, что меня пишутъ, уважаютъ, довѣряютъ, пользуются совѣтами; и почему я получаемыя подаянія не самъ къ нему приношу, а чрезъ заслуживающаго довѣріе посылаю“ [2]). По распоряженію Епархіальнаго начальства, въ февралѣ 1851 года, іеромонахъ Адріанъ нечаянно переведенъ былъ въ Югскую Дороѳееву общежительную пустынь Рыбинскаго уѣзда той же Ярославской губерніи. Община остается какъ бы мертвая безъ оживляющаго ее духа благодати, дѣйствовавшей чрезъ наставника на каждую изъ сестеръ. Старецъ не велѣлъ имъ унывать и указалъ новое мѣсто для жительства ихъ въ городѣ Мологѣ. Трудно было это переселеніе бѣдной общинѣ подвижницъ; страшила ихъ мысль — покинуть родину и избрать незнакомый городъ въ жилище. Нѣкоторыя изъ сестеръ переселились въ Бѣжецкъ, но остальныя всѣ безпрекословно исполнили совѣтъ старца.

Въ Мологѣ, близъ Вознесенской церкви въ Заручьѣ, онѣ наняли себѣ большой деревянный флигель и въ немъ, съ благословенія старца, завели вновь общежитіе по примѣру Пошехонскаго образа жизни. Впрочемъ сестры не скоро освоились съ новымъ своимъ бытомъ. Въ Пошехоньѣ нѣтъ женской обители, и югая община думала, молитвами и благословеніемъ святаго мужа, видѣть тамъ устроенною женскую обитель; перемѣщеніе же въ чуждый

---

[2]) Руководство къ духовн. жизни старца Адріана, стр. 44-я С.-Петербургъ 1861 г.

для нихъ городъ разрушало ихъ надежды и наводило грустныя мысли. Въ Мологѣ былъ свой и есть доселѣ женскій благоустроенный монастырь, но идти въ оный имъ не хотѣлось; тамъ затерялись бы онѣ во множествѣ послушницъ и инокинь и не видѣли бы одна другую молящимися вмѣстѣ и работающими; сестры питали надежду устроить гдѣ либо свой малый монастырь и жить въ немъ по прежнему. Въ новомъ мѣстѣ жительства, какъ и въ Пошехоньѣ, распредѣлены были всѣ часы молитвы и дневныхъ занятій общины по указанію отца Адріана. Та же сестра Гулина ходила на Югу къ старцу подвижнику, который по прежнему давалъ направленіе всей дѣятельности сестеръ и руководилъ ихъ къ духовной жизни; но силы его уже видимо истощевались. Массы народа стремились къ нему, ища совѣта; лишали его покою и днемъ и ночью, и тѣмъ подорвали послѣднія его силы. Въ январѣ 1852 года, по просьбѣ сестеръ, руководимыхъ отцемъ Адріаномъ, ревнители духовнаго ихъ преуспѣянія, просили у него позволенія съѣздить старшимъ изъ сестеръ ко Владыкѣ, Архіепископу Ярославскому, и просить его благословенія на открытіе на первый разъ Правительствомъ утвержденной общины; но старецъ не далъ такого совѣта и начинанія не благословилъ, письменно давши знать вопрошавшимъ его, что такое предпріятіе возможно лишь при благонадежной духовной матери. „Прежде, писалъ онъ, надобно избрать духовную мать. Для дѣвицъ, какъ для птицъ, клѣточекъ въ городѣ много. На путяхъ-то много кошечекъ; онѣ птичекъ-то ловить-то умѣютъ. Молитва, книга, постъ, — вотъ что нужно еще предуготовить“ [3]). Изъ такого отвѣта ясно было видно, что заводить дѣло объ открытіи общины отецъ Адріанъ признавалъ не полезнымъ. А самимъ сестрамъ лично говорилъ: „для васъ въ скоромъ времени будетъ устроенъ свой особый монастырь; подождите, молитесь. И потомъ однажды какъ будто пророчески прибавилъ: тѣ изъ васъ, кои руководятся мною построже, по пустынному, едва-ли доживутъ до учрежденія монастыря, а приспособляемыя къ правиламъ общежитія монашескаго непремѣнно доживутъ и будутъ въ

[3]) Тамъ же стр. 91-я.

монастырѣ“ [4]). Съ полною покорностію духа сестры подчинились такому опредѣленію своего руководителя; но вскорѣ новое горе постигло ихъ. Старецъ началъ болѣть и видимо готовился оставить этотъ многомятежный міръ. Наступали послѣднія минуты жизни подвижника. Предъ кончиною его собрались старшія изъ сестеръ, какъ сироты—дочери, оставляемыя умирающимъ отцомъ. Со скорбію въ сердцѣ, со слезами на глазахъ, онѣ спрашивали, что имъ дѣлать? Кто станетъ ими руководить? Старецъ завѣщалъ имъ непоколебимо вѣрить и надѣяться на Бога, ведущаго ихъ къ жизни иноческой, и вмѣсто себя предложилъ имъ обратиться въ городъ Угличъ къ отцу Петру; онъ будетъ вамъ наставникомъ. „Вы, говорилъ умирающій подвижникъ, не усумнитесь въ благости къ вамъ Божіей, что остаетесь неустроенными. Господь дастъ вамъ пристанище тихое. Чрезъ кого бы не была явлена милость къ вамъ Божія, все равно. Храмина тѣла моего разрушается, но не скорбите о семъ. Угличскій старецъ будетъ лучшимъ, чѣмъ я грѣшный, наставникомъ для васъ и устроителемъ дѣлъ вашихъ; чрезъ него Господь явитъ вамъ Свою великую и богатую милость“.

Отецъ Петръ былъ заштатный священникъ Іерусалимской слободы, стоящей въ двухъ верстахъ отъ Углича; шелъ онъ путемъ юродства, въ лѣтахъ мужества много вынесъ на себѣ невзгодъ жизни и былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Нѣкоторые считали его сумасшедшимъ, или же бѣсноватымъ; но его совѣты, передкія предрѣченія, въ поразительной точности сбывавшіяся, его отвѣты мѣткіе и проникавшіе въ тайныя думы людей, его посѣщавшихъ, давали уразумѣть, что онъ не бѣсноватый, не сумасшедшій, а угодникъ Божій, избравшій путь юродства, которымъ и шелъ во всю жизнь съ рѣдкимъ постоянствомъ и мужествомъ. Приходили къ нему иногда люди праздные, безъ нужды, желая лишь глумиться надъ старцемъ и его образомъ жизни; таковыхъ онъ встрѣчалъ молчаніемъ, и нельзя было вызвать его на какую либо рѣчь душеполезную; но благолѣпный видъ старца, убѣленнаго сѣдинами, и его глубокое смиреніе дѣйствовали неотразимо и на самыхъ безпечныхъ и раз-

---

[4]) Достопамятныя событія жизни о. Адріана, подвижника Югскаго. С.-Петерб. 1862 г. стр. 2-я.

сѣянныхъ людей и невольно располагали ихъ приникнуть къ самимъ себѣ. Многіе являлись къ отцу Петру за благословеніемъ, совѣтомъ и наставленіями предъ начатіемъ какого либо важнаго предпріятія, и всегда совершали свое дѣло съ полнымъ успѣхомъ, если рѣшались поступать согласно съ указаніями своего наставника. Люди, убитые горемъ, желавшіе утѣшенія, уходили отъ него съ отраднымъ упокоеніемъ въ сердцѣ. Старецъ любилъ выражаться прикровенно, употреблялъ символическія дѣйствія, на какой конецъ на столѣ подлѣ него, на лавкахъ и на окнѣ, поставлено было множество вещицъ, въ порядкѣ разставленныхъ и разложенныхъ; эти вещицы переставлялъ онъ предъ посѣтителями, собиралъ, раскладывалъ, называя это своими работками и давая въ значеніи ихъ отвѣты большей части посѣтителей. Въ рѣчи своей нечасто-часто употреблялъ уменьшительныя слова: „работкой, дѣткамъ, по силкамъ, перемѣночкамъ“ вмѣсто словъ: работою, дѣтямъ, по силамъ, перемѣнамъ. Послѣ погребенія іеромонаха Адріана, скончавшагося въ 1853 году, та же старшая сестра Матрона Гулина, съ нѣкоторыми изъ своихъ сверстницъ, явилась къ отцу Петру и сказала о завѣщаніи отца Адріана. Услышавши о такомъ, новомъ для него, трудѣ и множествѣ сестеръ, ищущихъ его руководства, новонарѣченный наставникъ открыто, но съ юродствомъ, сказалъ сестрамъ: „о, хо, хо, какую груду камней оставилъ мнѣ отецъ Адріанъ“! Сестры упали къ ногамъ старца и слезно просили его покровительства. Тогда старецъ откровенно сказалъ сестрамъ: „будемъ каждый по силкамъ работать Господеви“, и благословилъ общину переселиться въ Угличъ. Въ этомъ городѣ также имѣется своя благоустроенная обитель женская; но сестры общины свято желали исполнить завѣщаніе своего наставника и вдались непоколебимо духовному руководству указаннаго мужа. Дорого впрочемъ обошлось переселившейся общинѣ это пріобрѣтенное преимущество назиданія душеполезными бесѣдами и наставленіями отца Петра. Много горя перенесли сестры общины отъ городскихъ полицейскихъ властей. Внушилъ ли кто угличской полиціи ложный взглядъ на общину; сами ли члены полиціи сочли разумнымъ смотрѣть на сестеръ общины такъ, а не иначе; только эта община сочтена была за раскольничье сборище и силь-

но была тѣснима. Не разъ чины полиціи, сопутствуемые нижними воинскими чинами, являлись неожиданно въ комнаты, занимаемыя сестрами, съ требованіемъ отъ нихъ паспортовъ. Случалось такъ, что нѣкоторымъ сестрамъ замедлялась высылка новыхъ паспортовъ,—и полицейское управленіе брало таковыхъ подъ арестъ и высылало ихъ по этапу въ прежнее мѣсто ихъ жительства. Въ общинѣ возбуждался страшный переполохъ. Съ ужасомъ разсуждали напуганныя сестры: что дѣлать, и какъ быть при такихъ неожиданныхъ обстоятельствахъ? Жаловаться ли высшимъ властямъ на обиду, или терпѣть? Такіе и подобные имъ вопросы немедленно предлагались старшими изъ сестеръ на разрѣшеніе отца Петра; но старецъ юродивый отвѣчалъ не словами, а болѣе всего символическими дѣйствіями и своими работками. Изъ нихъ, при общемъ соображеніи значенія и смысла работокъ, открывалось, что надобно благодушно терпѣть подобныя невзгоды и впредь жизнь свою устроять такъ, чтобы подобныя несчастія были устраняемы благовременно полученіемъ новыхъ видовъ на жительство. Послѣ нечаянныхъ обысковъ и досмотровъ полиціи случалось, что почтенные блюстители порядка и спокойствія предлагали свои совѣты—идти сестрамъ въ монастырь, и именно въ Угличскій. „Чего вамъ лучше, говорили они; обитель благоустроенная, кельи сестрамъ помѣстительныя и для старшихъ сестеръ вашей общины достанетъ мѣста въ монастырѣ; младшія же могутъ разойтись по домамъ на свою родину, или поступить въ другія обители; игумена по добротѣ сердца—мать, а не то, чтобы начальница подчиненнымъ; пища въ обители достаточная, одежда сестрамъ приличная; а храмы-то Божіи въ монастырѣ, и внутри и снаружи, блистаютъ золотомъ. Чего вамъ сестры лучше? Проситесь у матушки игуменьи, и будете приняты“. Но старшія изъ сестеръ всегда говорили одно: „насъ благословилъ батюшко отецъ Петръ жить отдѣльно, и не смѣемъ мы ослушаться воли его“. „Ну, такъ чего же вы ждете? Вотъ отецъ Петръ умретъ, онъ старикъ,—а васъ тогда за упрямство и матушка игуменья не приметъ. Или вы думаете, что отецъ Петръ устроитъ для васъ отдѣльный монастырь, когда у него гроша нѣтъ въ карманѣ, и самъ живетъ подаяніями отъ своихъ посѣтителей? Умретъ отецъ Петръ, тогда куда

вы дѣнетесь"? Ну, говорятъ сестры, что будетъ по смерти отца Петра, то единому Богу извѣстно,—а насъ батюшко отецъ Петръ благословилъ жить трудами рукъ своихъ; мы и не смѣемъ и не можемъ идти противъ воли своего отца и наставника. „Ахъ, сестры, сестры, слышится новое возраженіе, ума въ васъ нѣтъ, надѣетесь на сумасшедшаго и сами себя губите". Скажутъ такія рѣчи досмотрщики порядка и блюстители спокойствія и уйдутъ, оставивши всю общину въ душевной тревогѣ и нелегкомъ раздумьи. Тогда сестры старшія, не разъ это бывало, опять идутъ къ отцу Петру для совѣта и утѣшенія. Батюшко ты нашъ! Слишкомъ смущаютъ насъ полицейскіе-то, совѣтуютъ идти въ здѣшнюю обитель; что намъ дѣлать? У васъ будетъ свой монастырекъ, скажетъ старецъ и замолчитъ. При такомъ случаѣ одна изъ сестеръ Марья Михайловна, болѣе другихъ смѣлая и рѣшительная, впослѣдствіи монахиня Митрофанія и настоятельница Иверскаго женскаго монастыря въ Нижегородской губерніи, осмѣлилась просить благословенія у старца на начало открытія своего собственнаго монастыря. „А давно бы пора", быстро отвѣтилъ старецъ, и вновь умолкнулъ. Да гдѣ же, батюшко? „Пойди. Рѣка Волга широка и долга". Возвращаясь домой, сестры долго думали и терялись въ предположеніяхъ о значеніи отвѣта своего наставника: отказъ ли въ немъ данъ малодушной нетерпѣливости докучливой сестры, или же благословеніе—рѣшительнѣе приступить къ дѣлу? На общинномъ совѣтѣ рѣшено было отправить старшихъ изъ сестеръ водянымъ путемъ по рѣкѣ Волгѣ пріискать мѣсто для монастыря пригодное. Посланницы, въ числѣ ихъ и вопрошавшая сестра, объѣхали много приволжскихъ мѣстъ, были даже въ Костромской губерніи,—но предлагаемыя въ продажу земли были или очень дороги, или неудобны, или самимъ сестрамъ не нравились. Не нравился сестрамъ и Рыбинскъ, гдѣ предлагались имъ три земельные участка. Не успѣвши ни въ чемъ, сестры явились къ старцу—наставнику съ докладомъ о безуспѣшности своихъ поисковъ. „То-то, дѣвочка", сказалъ старецъ, обращаясь къ будущей монахинѣ Митрофаніи; „по своей-то дорожкѣ пойдешь, такъ и въ избу не войдешь". Батюшко ты нашъ! сказали сестры, вѣдь ужь жизнь-то ко-

чевая надоскучила намъ; а старецъ на это сказалъ: еще успѣете надѣть клобуки-то, и умолкъ.

Въ другой разъ пришлось сестрамъ быть на совѣтѣ у отца Петра и выразить предъ нимъ свое неустроенное положеніе. Будетъ у васъ свой монастырекъ, тихо проговорилъ старецъ юродивый. „Да вѣдь всѣ мы бѣдныя, и не можемъ этого сдѣлать. Вотъ у насъ самая богатая сестра Марья Дмитріевна Свитина, помѣщица, имѣющая 110 десятинъ земли, которую отказала крестьянамъ, чтобы они платили по 200 рублей, въ теченіи двадцати лѣтъ, въ пользу общины сестеръ, и сама жила и подвизалась съ сестрами; не на ея ли землѣ придется устроить хотя малую, небогатую обитель, и имѣть свой независимый уголокъ? Или вотъ, говоритъ другая сестра, въ Пошехоньѣ-то нѣтъ своего монастыря женскаго, а большая часть сестеръ нашихъ—тамошнія уроженки; не тамъ ли, батюшко, благословишь ты насъ [5]) пріютиться и работать Богу и матушкѣ Царицѣ небесной? Но старецъ не давалъ своего благословенія и видимо оставался недоволенъ такими предположеніями. Такъ батюшко, укажите вы сами мѣстечко-то для будущей обители, сказали нѣкоторыя изъ сестеръ. Отецъ Петръ, шествовавшій путемъ юродства, вдругъ окинулъ своимъ взглядомъ совопросницъ; въ глазахъ его промелькнулъ огонь молніи; и тотчасъ же, полушутя, онъ началъ импровизировать стихи и какъ бы медленно пѣть, говоря:

„А стройте тамъ,
гдѣ Богъ велитъ,
да чу! гремитъ.
Тамъ есть гора;
тамъ былъ я самъ,
и видѣлъ ручеекъ;
въ немъ клады есть;
онъ полонъ золота до верху“.

Затѣмъ, немного отдохнувъ, старецъ, любившій пѣніе, положительно запѣлъ:

„На лужку, близь рѣчки,
гдѣ паслись овечки,

---

[5]) О. Петръ отвѣтилъ говорившей: полно молоть-то, а ты сядь; гдѣ тебѣ?

гдѣ теперь одинъ пустырь,
тамъ будетъ женскій монастырь“.

Замолкнулъ старецъ; настала минута молчанія, сомкнувшая уста совопросницъ. Сестры переглянулись, встали получить благословеніе батюшки и ушли въ городъ передать слышанное всей общинѣ. И дорогой не мало говорили онѣ о словахъ старца. Что это батюшко-то намъ сказалъ? Предреченіе ли это, или шутка юродства, которою желалъ онъ поселить въ насъ духъ упованія на промыслъ Божій? И мнѣнія сестеръ раздѣлились. Въ полномъ собраніи общины слова батюшки были въ точности переданы и послужили поводомъ къ разсужденію и оживленнымъ толкамъ не на одинъ день. Нашлись двѣ-три сестры, которыя въ словахъ мужа прозорливаго думали видѣть безсвязный лепетъ человѣка полупомѣшаннаго и говорили: эти слова похожи на первый отвѣтъ о пріисканіи мѣста подъ монастырь: „рѣка Волга широка и долга“, ничего не значатъ и ни къ чему не обязываютъ; но строгія физіономіи старшихъ сестеръ мгновенно заставили ихъ замолчать. За всѣмъ тѣмъ смыслъ словъ, изреченныхъ отцемъ Петромъ, остался непонятнымъ до такой степени, что сестры общины оказались недовольными отвѣтомъ прозорливца. Онѣ не могли тогда и представить себѣ, чтобы слова юродиваго старца могли оправдаться впослѣдствіи съ поразительною точностью. Онѣ остались, впрочемъ, съ той же несомнѣнной увѣренностью, какая была въ нихъ и прежде, что гдѣ бы то ни было, рано или поздно, Господь дастъ имъ монастырское тихое пристанище молитвами и благословеніемъ ихъ общаго наставника. И для отца Петра эта бесѣда съ сестрами не осталась безслѣдною. Неожиданно для всѣхъ, онъ вдругъ надумалъ ѣхать въ городъ Кашинъ безъ зова и чьей либо просьбы, чего безъ приглашенія никогда себѣ не позволялъ, былъ тамъ въ женскомъ Срѣтенскомъ монастырѣ, видѣлся и говорилъ съ начальницею обители, игуменьею Антоніей, и за тѣмъ вернулся въ свою Іерусалимскую слободу.

Глава II.

Вся премудростію сотворилъ еси.

Община сестеръ, руководимая старцемъ, постоянно росла и становилась многочисленнѣе. При первомъ своемъ образованіи въ городѣ Пошехоньѣ, состоя изъ единицъ, не достигая и трехъ десятковъ личностей, она была не замѣтна, не вызывала думы о своей будущности и средствахъ къ прожитію. Обычныя работы женскія (шитье, стирка бѣлья, глаженье, временное услуженіе по домамъ гражданъ достаточныхъ, чтеніе псалтири по усопшимъ), какихъ работъ въ городахъ много, лишь бы находились лица, желающія честно и усердно трудиться, способствовали содержанію общины, которая не нуждалась ни въ чемъ необходимомъ и могла держаться, существовать сама собою. Съ переселеніемъ въ Мологу община начала увеличиваться. Мысль о равенствѣ труда и общаго содержанія, при семейной простотѣ отношеній, нравилась многимъ и располагала къ слитію съ такимъ обществомъ, которое выполняло ее на дѣлѣ, и къ тому же руководимо было подвижникомъ инокомъ, высокимъ въ жизни духовной. Мирныя отношенія властей города тѣмъ болѣе способствовали росту общины и улучшенію ея внутренней организаціи. Сестры жили трудами рукъ своихъ, соблюдали ненарушимо часы молитвы утренней и вечерней, работали дружно и, проведя день трудовой праведной жизни, мирно и беззаботно отходили ко сну, чтобы встрѣтить и провести также точно каждый другой наступающій день. Но сестры руководительницы не могли не думать о прочномъ устройствѣ быта руководимыхъ сестеръ, слившихся въ одну семью для жизни дѣвственной, богоугодной. Съ переселеніемъ въ Угличъ, община, уже значительная числомъ, встрѣти-

лась съ невзгодами жизни. Что это за общество? думали власти и чины полиціи. Не гнѣздо ли это раскола и еще, можетъ быть, самаго вреднаго по своей внутренней организаціи? На общину не рѣдко выпадали испытанія. Старшія изъ сестеръ сознавали всю тягость управленія дѣлами такой семьи, чаще поставляли вопросъ этотъ на обсужденіе предъ своимъ духовнымъ наставникомъ и руководителемъ, каковымъ считали отца Петра. Но онъ, всегда молчаливый, въ отвѣтахъ загадочный, носилъ въ себѣ будущія судьбы общины и не малое возбуждалъ въ сестрахъ удивленіе. Множество лицъ, приходившихъ на совѣтъ къ старцу, уходило отъ него съ душевнымъ назиданіемъ. Ужели только мы однѣ, думаютъ сестры, руководимыя старцемъ, уже ли мы однѣ останемся брошенными имъ на волю судьбы и случайностей? Но отецъ Петръ, принимая сестеръ, хранилъ молчаніе. Время шло; среди невзгодъ жизни община росла, и число сестеръ перешло уже за пятьдесятъ.

Въ пятницу первой недѣли великаго поста, 7-го февраля 1858 года, явилась на совѣтъ къ отцу Петру матушка Антонія, изъ рода дворянъ Мезенцевыхъ, настоятельница Кашинскаго женскаго монастыря, и предлагала на его обсужденіе свои монастырскія дѣла. При ней случайно пришли посѣтить старца три сестры общины: Матрона Ивановна Гулина, Марья Дмитріевна Свитина и, извѣстная намъ, Марья Михайловна. Неожиданно для всѣхъ, старецъ обращается къ игуменіи съ своими строгими словами и говоритъ ей: „поѣзжай въ Рыбну [6]) монастырь строить“. Это неожиданное предложеніе не мало озаботило игуменью и видимо смутило ее. Батюшко! такъ ли я васъ поняла? Вы приказываете ѣхать и строить монастырь въ Рыбнѣ. Какъ же это сдѣлать? Я занята своею должностію, и въ Рыбинскѣ жить не могу, и тамъ никого не знаю. Къ кому обратиться и предлагать о несбыточномъ дѣлѣ? „Съѣзди, Рыбна не далеко“, снова повторилъ старецъ и замолчалъ,—и Антонія не посмѣла ослушаться словъ прозорливаго старца. И раньше этого времени она слышала не мало разсказовъ, что будетъ въ Рыбинскѣ женскій мона-

---

[6]) Городъ Рыбинскъ въ просторѣчіи и доселѣ называется Рыбной.

стырь. Можетъ быть, это приказаніе—воля Божія? Исполню слова старца, думаетъ игуменья, немедленно взяла благословеніе и рѣшилась отправиться въ путь.

Изъ бывшихъ у отца Петра сестеръ общины, слышавшихъ его бесѣду съ Антоніей, Гулина предложила сопутствовать игуменіи и остановиться въ домѣ ея родственника. Дорогой въ Рыбинскъ не разъ смущало Антонію раздумье, зачѣмъ она ѣдетъ, и что можетъ сдѣлать безъ всякихъ средствъ, безъ знакомства, безъ полномочій? Но, думаетъ игуменія, много разъ я выполняла совѣты батюшки, и Господь видимо помогалъ мнѣ и благословлялъ меня; разъ онъ прибылъ къ намъ нечаянно, и какъ благовременно и благополезно было прибытіе его! За молитвы старца Господь явитъ свою милость ко мнѣ, и въ настоящую минуту жизни. Дано испытаніе, правда, не легкое; уже ли же съ малодушіемъ и страхомъ отказаться отъ него? Вечеромъ 8-го февраля путница прибыла въ Рыбинскъ. Девятаго февраля, въ воскресенье послѣ литургіи, узнали о пріѣздѣ игуменіи многіе изъ гражданъ и, въ томъ числѣ, купецъ Андрей Ивановичъ Миклютинъ, и просилъ матушку пожаловать къ себѣ.

Рыбинскіе купцы и почетные граждане Миклютины были въ свое время по Рыбинску замѣчательными личностями. Отецъ Андрея Ивановича Иванъ Алексѣевичъ Миклютинъ состоялъ однимъ изъ строителей величественнаго Рыбинскаго собора, который составляетъ лучшее украшеніе города. Не мало трудовъ и заботъ пришлось вынести Ивану Алексѣевичу при постройкѣ зданія, и онъ трудился, можно сказать, неутомимо. Небогатый своими средствами, Миклютинъ отецъ высоко цѣнилъ пользы города, по этому со всею горячностію и любовію отдался дѣлу устроенія собора, каждый почти день былъ при работѣ, смотрѣлъ, распоряжался, по временамъ расходовался своими суммами. Члены строительнаго комитета вполнѣ довѣряли своему товарищу, въ случаяхъ особенной важности собирались всѣ вмѣстѣ; не мало однако-жъ смѣнилось годовъ, пока выросъ предъ глазами гражданъ Рыбинска нынѣ существующій соборный храмъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ между соборами всѣхъ городовъ Русскихъ. Разставаясь съ настоящею жизнію, Иванъ Алексѣевичъ не оставилъ сыновьямъ своимъ Анд-

рею и Нестору [7]) значительнаго наслѣдства, но развилъ въ старшемъ изъ нихъ религіозное чувство, привилъ къ его душѣ любовь къ церкви Православной; этими особенно свойствами и заявилъ себя въ жизни Андрей Ивановичъ Миклютинъ. Не менѣе отца благочестивый и религіозный, онъ впослѣдствіи разсказывалъ о себѣ: въ 1828 или въ 1829 годахъ, разъ я, будучи лѣтъ одиннадцати, шелъ изъ Рыбинска на родникъ съ покойнымъ отцемъ моимъ. Прошедши деревню Осташево, я засмотрѣлся на прекрасную мѣстность по рѣкѣ Кормицѣ и подумалъ: въ Круглицахъ (село близъ города Мышкина) пастухъ выстроилъ церковь на мѣстѣ, достойномъ храма Божія; а и здѣсь мѣстность какъ прелестна! Что, если бы я имѣлъ состояніе?..... Эта мысль запала въ сердце юноши, крылась въ тайникѣ его души, съ лѣтами жизни мужества не заглохла въ немъ, а какъ сѣмя доброе, вложенное самимъ Богомъ въ сердце юное чрезъ совѣты добраго отца, въ свое время подвигла духъ сего мужа на дѣлое доброе. И молодой Миклютинъ пошелъ по слѣдамъ отца, внушившаго сыну не отказываться отъ церковныхъ порученій, когда общество станетъ ихъ предлагать ему.

Рыбинскъ, сдѣлавшись внутреннимъ портовымъ городомъ, привлекалъ къ себѣ отовсюду и доселѣ привлекаетъ массы населенія. За рѣкой Черемухой, извивавшейся къ Волгѣ по окраинѣ города, мѣстность начала обстраиваться домами; число жителей увеличивалось тамъ съ каждымъ годомъ,—и все больше и больше стала сознаваться нужда въ устроеніи для нихъ новой церкви. Въ 1855 году открылось дѣло объ устройствѣ новаго храма въ той мѣстности,—и строителемъ его былъ избранъ Андрей Ивановичъ Миклютинъ [8]). Съ полнымъ усердіемъ и энергіею онъ выполнилъ этотъ не легкій трудъ строительства. Не мало своихъ издержекъ положено имъ было при устройствѣ зданія,—и храмъ Божій во имя Покрова Пресвятыя Богородицы явился изъ не-

---

[7]) Несторъ Ивановичъ Миклютинъ жилъ недолго и померъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, оставивши дѣтей своихъ сиротами въ младенчествѣ. Тѣло его перевезено въ городъ Рыбинскъ.

[8]) Товарищами ему по устройству храма избраны были Рыбинскіе купцы: Баскаковъ и Голубенцевъ.

бытія въ бытіе, и сотни тысячи христіанскихъ душъ начали возносить въ немъ молитвы свои и воздыханія сердечныя къ Отцу духовъ и Богу всякія благодати.

Этимъ-то гражданиномъ Рыбинска приглашена была прибывшая въ городъ игуменья Антонія и явилась къ нему съ Матроной Ивановной Гулиной. Началась бесѣда о городскихъ церквахъ, о жизни сестеръ въ монастырѣ, объ ихъ трудахъ, и день прошелъ незамѣтно при особой привѣтливости хозяина и хозяйки дома Маріи Алексѣевны Миклютиной къ посѣтившей ихъ гостьѣ. Утромъ 10-го февраля хозяйка дома вдругъ обращается къ Антоніи: можетъ быть у васъ, матушка, есть какія нибудь нужды въ монастырѣ, что вы потрудились издалека пожаловать сюда? Да, есть, сказала игуменія, но не моя монастырская, а другая нужда,—и прибывшая гостья разсказала о порученіи и посольствѣ батюшки отца Петра и затѣмъ, обратившись къ хозяину дома, говоритъ: „я не могла отказаться отъ порученія этого дивнаго старца. Въ словахъ его чувствовалась неземная сила, когда онъ меня посылалъ сюда,—и я увѣрена, что и вы, Андрей Ивановичъ, не откажетесь принять на себя обязанность строительства. Дѣло по начальству вести вы умѣете, своего Владыку знаете хорошо и безъ труда получите дозволеніе на устройство обители". Такъ, все это правда, отвѣтилъ хозяинъ дома, а гдѣ же средства на устройство монастыря"?--„Я сама у себя ничего не имѣю кромѣ двадцати десятинъ земли, готова ихъ отдать въ пользу новой обители, сказала игуменія, и могу только лично просить васъ пожертвовать своимъ капиталомъ". Средства Миклютина и тогда были не особенно велики, и онъ задумался надъ предложеніемъ Антоніи, боясь подорвать свое состояніе. Съ принятіемъ на себя строительства, невольно приходилось жертвовать вдвойнѣ: и имуществомъ, и трудомъ. Наступило молчаніе. Матрона Ивановна сказала тогда: вы, Андрей Ивановичъ, заложите на время какое либо свое имущество; а мы, будущія жительницы монастыря, постараемся собрать и заплатить. Насъ сестеръ—болѣе пятидесяти, мы заработаемъ и уплатимъ затраченное вами; это говорила Гулина, не знавши будущихъ расходовъ и нуждъ новоустрояемаго монастыря, въ которомъ одно строится, а двѣ три новыя нужды дожидаются своей очереди и выполненія.

„Трудно заплатить такой долгъ бѣднымъ и неимущимъ сестрамъ, сказала игуменія, а вы лучше, Андрей Ивановичъ, примите въ разсчетъ ваше знакомство съ городомъ; вы знаете, къ кому обратиться за помощью въ такомъ дѣлѣ, знаете гражданъ усердныхъ и богатыхъ, знаете всѣхъ иногородныхъ ревнителей добра, ведущихъ по Рыбинску торговыя дѣла свои, и сказать имъ о такомъ святомъ дѣлѣ вамъ нисколько будетъ не стыдно; они помогутъ вамъ, и вы устроите святую обитель. Господь помогъ же вамъ устроить здѣсь приходскую, столь красивую, церковь Покрова Богородицы, когда еще вы были въ дѣлахъ такого рода менѣе опытны, поможетъ вамъ и въ новомъ предполагаемомъ трудѣ созданія обители. Потрудитесь же души ради и ради спасенія многихъ сестеръ, которыя ждутъ не дождутся особаго для нихъ храма Божія, и вѣчно за васъ съ супругою и чадами будутъ молить Господа Бога". Но хозяинъ дома думалъ и молчалъ. „Что же, Андрей Ивановичъ, сказала его жена, у васъ вѣдь есть на примѣтѣ и земля-то, пригодная для монастыря подлѣ деревни Гремячева, принадлежащая купцу Понизовкину. И мѣстность-то какая прекрасная! Отъ города недалеко, не больше трехъ верстъ. Ты можешь купить ее у Понизовкина. Она почти безполезна ему, приноситъ самую незначительную арендную плату, и онъ съ удовольствіемъ продастъ ее. По своему пространству (15 десятинъ съ саженями) она очень пригодна; на ней безъ всякой тѣсноты размѣстятся всѣ монастырскія зданія". Замѣтивши въ своей женѣ горячее сочувствіе къ предполагаемому дѣлу, Андрей Ивановичъ сталъ себя чувствовать свободнѣе. Да, такъ, въ самомъ дѣлѣ такъ, сказалъ онъ. Земля эта будетъ очень не дурна. Матушка игуменья! Поѣзжайте съ моей женой, осмотрите, если не будетъ въ трудъ, всю эту мѣстность; и если, по вашему взгляду, земля та будетъ пригодна для обители, такъ я куплю ее, и она вся пусть будетъ монастырскою. Ваша правда: помогъ Господь Богъ устроить приходскую церковь, поможетъ и въ устройствѣ обители.

Тотчасъ же заложены были дорожныя сани игумени, и матушка Антонія съ Гулиной и Марья Алексѣевна Миклютина отправились въ деревню Гремячево осматривать земельный участокъ купца Понизовкина. Между

тѣмъ молва уже успѣла распространиться по городу о прибывшей игуменіи и цѣли ея пріѣзда. Двухъ проведенныхъ ею въ Рыбинскѣ дней оказалось достаточнымъ, чтобы весь городъ говорилъ о имѣющемъ быть устройствѣ Рыбинскаго женскаго монастыря; судили, спорили, разсчитывали, какъ много потребуется денегъ на такое предпріятіе; но лицъ, усердствующихъ къ такому начинанію, было почти не видно. Слышались мнѣнія и такого рода, что прибывшая игуменія изъ рода богатыхъ дворянъ, которые не спросятъ городскихъ пожертвованій и всѣ расходы по устройству обители покроютъ своими средствами ради своей родственницы. Самъ Андрей Ивановичъ въ раздумьѣ сидѣлъ дома и рѣшалъ вопросъ этотъ по своему, и едва ли только не въ отрицательномъ смыслѣ. Ему лучше другихъ было видно, послѣ постройки Покровской церкви, какихъ большихъ затратъ потребуетъ предполагаемое сооруженіе обители? Какъ вдругъ, неожиданно для него, является къ нему въ домъ одна, никакъ не ожидаемая имъ, личность—навѣдаться, насколько вѣренъ разнесшійся по городу слухъ о постройкѣ монастыря? Миклютинъ разсказалъ, что зналъ, и куда поѣхала игуменія? Кто же будетъ строителемъ предполагаемаго монастыря? спрашиваетъ прибывшая личность. Миклютинъ не скрылъ, что игуменія проситъ его потрудиться въ семъ дѣлѣ. Такъ вотъ что, Андрей Ивановичъ! Пусть знаетъ только Господь Богъ, да вы; вотъ вамъ двадцать пять тысячъ рублей на устройство женскаго монастыря, положите ихъ въ проценты и, когда получится разрѣшеніе, употребите ихъ на постройку, какъ знаете. Если же устройство обители не состоится, обратно деньги тѣ передайте мнѣ, и я назначу ихъ на другое доброе дѣло. Андрей Ивановичъ почти не вѣритъ самъ себѣ, на яву ли то, или во снѣ,—но пачки денегъ, оставленныя на столѣ, доказывали справедливость факта. Личность прибывшая тотчасъ-же скрылась. Да, сказалъ самъ себѣ будущій строитель обители, тутъ видимо дѣйствуетъ Промыслъ Божій. Женская обитель въ Рыбинскѣ устроится. И грѣшно было бы мнѣ, послѣ всего случившагося, отказываться отъ предлагаемаго строительства. Взглядъ Миклютина вдругъ упадаетъ на ликъ Спасителя, и изъ бьющагося сердца его невольно исторгаетъ

молитвенный звукъ: Дивна дѣла Твоя Господи! Вся премудростію сотворилъ еси!

Глава III.

Переписка по устройству обители.

Кто этотъ неизвѣстный благотворитель, давшій столь немалую жертву на созданіе обители, когда еще и дѣла о ней не начиналось, осталось неизвѣстнымъ; тайну эту унесъ съ собою въ другой міръ Андрей Ивановичъ, и имя христолюбца, порадѣвшаго учредить для бѣдныхъ сестеръ тихое и небурное пристанище, было и будетъ извѣстнымъ только Сердцевѣдцу—Господу. Эта благосердая личность не изъ числа ли родныхъ Миклютина? Не родная ли это сестра Андрея Ивановича, бывшая въ замужествѣ за однимъ изъ богатыхъ и почетныхъ купцевъ и оставшаяся бездѣтною вдовою съ значительнымъ капиталомъ? Она ли это дала столь сильное движеніе дѣлу доброму, или кто другой, да будетъ имя то благословенно, и да воздастъ душѣ той Судія праведный сторицею въ царствѣ своемъ безконечномъ! Какъ бы то ни было, но взглядъ Андрея Ивановича на дѣло о монастырѣ мгновенно измѣнился, и колебанія его исчезли, какъ дымъ; взору его открылась ясная возможность устройства обители въ его родномъ городѣ. Ему живо припомнилась теперь его дѣтская дума устроить храмъ, на живописной мѣстности близъ Рыбинска; мысли его унеслись вслѣдъ за отбывшими осматривать Понизовкинскую землю и вдругъ, онъ думаетъ, мѣстность та не понравится матушкѣ игуменіи.... Какъ это будетъ прискорбно! А другаго мѣста близъ Рыбинска, свободнаго и доступнаго къ пріобрѣтенію, нельзя и найти. Еще не улеглись всѣ такія думы въ душѣ этого мужа, еще сердце его горѣло огнемъ благодатной радости при мысли о возможности выполнить задуманное, какъ путницы возвратились изъ своей недалекой загородной поѣздки; прослѣдовали онѣ всю ту мѣстность по пролегавшей томъ проселочной дорогѣ, осмотрѣли весь участокъ и тѣмъ же путемъ вернулись назадъ.

„Видѣла я Понизовкинскую землю, Андрей Ивановичъ, сказала, вошедши въ залу, матушка игуменія, и скажу откровенно: лучшаго мѣста нельзя и прибрать! Мѣстность уединенная, для всѣхъ монастырскихъ построекъ достаточная, отъ города такъ недалеко. Теперь дѣло за вами; а Марья Алексѣевна, еще при самомъ осмотрѣ участка, землю эту рѣшилась пріобрѣсти для святой обители". „А если жена моя согласна на жертву, отвѣтилъ Миклютинъ, готовъ и я, и непремѣнно куплю эту землю и вамъ, матушка Антонія, даю слово немедля начать письменное дѣло объ устройствѣ обители тѣмъ охотнѣе, что я недавно (перваго января) былъ въ Ярославлѣ у Владыки, говорилъ объ этомъ дѣлѣ и замѣтилъ въ Преосвященномъ живое къ нему сочувствіе". Антонія выбыла изъ Рыбинска покойная и радостная, явилась къ пославшему ее старцу сказать о случившемся, а также и принять его благословеніе; не мало дивилась она тому дивному сочетанію благопріятныхъ условій къ выполненію даннаго порученія, которое встрѣтила на самомъ дѣлѣ, и послѣ до конца жизни говорила объ этой поѣздкѣ: самъ Господь былъ тогда со мною, и немощный трудъ мой, за молитвы старца, увѣнчалъ благословеннымъ успѣхомъ.

Возвратилась и Матрона Ивановна къ сестрамъ своимъ, начинавшимъ думать и безпокоиться о долговременной отлучкѣ путницъ. Не ждали сестры многаго отъ этой поѣздки, предпринятой столь неожиданно и вдобавокъ съ лицемъ, не заинтересованнымъ въ устройствѣ ихъ общины. Матушка Антонія, думали онѣ, скорѣе всего станетъ заявлять свои монастырскія нужды богатымъ гражданамъ Рыбинска, а о насъ—сиротахъ удастся ли ей вспомянуть и подумать? Найдетъ ли что полезное для общины развѣ сама Матрона Ивановна? Вѣдь тамъ у нее родные и много знакомыхъ, расположенныхъ къ нашей общинѣ; и они такъ помогутъ ей. „Ну, сестры, подите всѣ ко мнѣ, сказала возвратившаяся; можетъ быть чѣмъ либо и обрадую васъ". Сестры собрались немедленно. „Велико слово батюшки нашего, отца Петра"! сказала Матрона Ивановна. Намъ посылаетъ Богъ въ Рыбинскѣ все, о чемъ мы думали, чего желали, о чемъ не рѣдко плакали и молились. Даетъ Господь намъ и землю для монастыря, близь самаго Рыбинска, удобную и простор-

ную, и строителя надежнаго и опытнаго, и денегъ двадцать пять тысячъ рублей, и все это чрезъ матушку Антонію, за молитвы и благословеніе отца нашего, наставника. Да еще и сама-то матушка игуменія жертвуетъ намъ отъ себя другую землю, больше той, что подлѣ Рыбинска. Послѣ этого Гулина разсказала сестрамъ все подробно, по ряду, съ начала поѣздки до своего возвращенія. Не разъ сестры останавливали разскащицу, да такъ ли это, правда ли? Да какъ же это все вдругъ, и такъ скоро, безъ всякой докуки и просьбы является намъ, какъ упавшее съ неба: и земля не одна, и деньги, и строитель, и скорое начатіе самаго дѣла? И когда увѣрились въ дѣйствительности всего случившагося, радости сестеръ не было границъ; долго онѣ и горячо молились за своихъ радѣтелей, и потомъ отправились къ отцу Петру поклониться ему, и вновь попросить его за нихъ ходатайства. То былъ первый радостный день для общины сестеръ во всей пятилѣтней угличской ихъ жизни!

Андрей Ивановичъ не умедлилъ выполнить на дѣлѣ высказанное Антоніи обѣщаніе. Осмотрѣнный игуменіею участокъ земли 21 февраля, всего чрезъ десять дней послѣ осмотра, купленъ у Никиты Петровича Понизовкина, который и ранѣе неоднократно предлагалъ Миклютину уступить эту землю. Обстоятельства предположеннаго дѣла были обдуманы и изложены на бумагѣ, а 1 марта 1858 года Миклютинымъ лично подано было Преосвященнѣйшему Нилу, архіепископу Ярославскому и Ростовскому, прошеніе слѣдующаго содержанія:

„Въ декабрѣ прошлаго 1857 года явились ко мнѣ, писалъ Миклютинъ, Бѣжецкая мѣщанка Марья Михайловна и Рыбинская мѣщанка Параскева Гулина и заявили, что онѣ, въ числѣ 55 сестеръ, движимыя чувствами отшельническими, желали бы поступить въ какой либо женскій монастырь; но какъ онѣ не могутъ быть принятыми всѣ вмѣстѣ въ одинъ монастырь женскій, между тѣмъ какъ живутъ однимъ духомъ вѣры, руководствующимъ ихъ на пути спасенія, и имѣютъ совокупное мѣстопребываніе, то желали бы просить разрѣшенія у Высшаго начальства на устроеніе особой женской общежительной обители и, заявивъ мнѣ о такомъ своемъ сердечномъ желаніи, убѣдили меня доложить объ этомъ предметѣ Вашему Высокопреосвященству; и если В. В. из-

волите благословить ходатайствовать объ оном, въ такомъ случаѣ я готовъ ходатайствовать къ столь желаемому и святому дѣлу; если же изволите отказать, то вышепоименованныя сестры должны повиноваться промыслу Божію и жить по прежнему въ положеніи неустроенномъ".

„Перваго января сего года, бывши въ Ярославлѣ, я имѣлъ честь докладывать Вашему Высокопреосвященству о заявленномъ мнѣ желаніи сестеръ, и Вы изволили сказать: „гдѣ же бѣднымъ вдовицамъ и дѣвамъ, не желающимъ посягать, лучше и пещись о своемъ спасеніи, какъ не въ обители инокинь, а у васъ ее нѣтъ". Объ этихъ то бѣдныхъ и заявлялъ я тогда Вашему Высокопреосвященству и просилъ Вашего благословенія на ходатайство о разрѣшеніи основать въ Рыбинскѣ женскій общежительный монастырь".

„Десятаго февраля явился ко мнѣ неизвѣстный благотворитель и объявилъ, что желаетъ пожертвовать двадцать пять тысячъ рубей на устройство предполагаемаго женскаго монастыря и, вручивъ мнѣ билетами эту сумму, предложилъ употребить капиталъ этотъ на сооруженіе обители, если таковое будетъ разрѣшено Высшимъ начальствомъ; если же по какимъ либо причинамъ такового разрѣшенія не послѣдуетъ, благотворитель тотъ просилъ возвратить ему означенный капиталъ. Пріемля это пожертвованіе, при едва только возникшей еще мысли объ основаніи святыя обители, и признавая въ немъ промыслъ Божій, дарующій бѣднымъ и сирымъ средства къ приведенію въ исполненіе пламеннаго ихъ желанія къ своему спасенію, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство объ исходатайствованіи у Высшаго начальства дозволенія устроить общежительный женскій монастырь близь города Рыбинска".

На этомъ прошеніи Архіепископомъ Ниломъ была положена слѣдующая резолюція: „мысль хороша, но для осуществленія оной многое и многое потребно, а имѣющіяся двадцать пять тысячъ—капля для сего рода заведенія, особенно въ предположеніи сего рода общины на такую массу нищенствующихъ; посему предлагаю прежде всего рѣшить: чѣмъ обезпечится обитель? какія имѣются мѣстныя удобства? На попрошайство-же во всякомъ случаѣ расчетъ грустный и невѣрный". На такую резолюцію, объявленную Андрею Ивановичу, онъ предста-

вилъ въ своемъ отзывѣ, что обитель имѣетъ быть обезпечена вѣчнымъ вкладомъ 10,000 рублей. Для устроенія обители и ея содержанія имѣется въ виду земля въ количествѣ 132 десятинъ, доставляющая ежегоднаго дохода до 300 рублей; и еще съ пятой части мукомольной мельницы монастырь имѣетъ получать 57 рублей.

Въ запискѣ Миклютина, имѣющейся у насъ подъ руками, есть замѣтка, что на этотъ отзывъ Архипастырь не отвѣтилъ, и самое дѣло о монастырѣ оставлено имъ безъ движенія. Такое замѣчаніе нельзя признать вѣрнымъ. Въ числѣ бумагъ по основанію Софійскаго монастыря есть точная копія съ представленія Архіепископа Нила Святѣйшему Синоду о дозволеніи устройства женскаго монастыря въ Рыбинскѣ. Въ этомъ представленіи, поданномъ въ Синодъ 15 декабря 1858 года, Преосвященный Нилъ выражается ясно и точно, что, по случаю прошенія почетнаго гражданина Миклютина о дозволеніи устроить въ Рыбинскѣ женскій монастырь, отъ него были затребованы свѣдѣнія о средствахъ, какія находятся у него къ выполненію того дѣла, и какія имѣются въ виду удобства къ устроенію монастыря, но Миклютинъ таковыхъ свѣдѣній Епархіальному начальству не доставилъ. Значитъ Андрей Ивановичъ неосновательно жалуется на недачу ему отвѣта по дѣлу объ устроеніи обители и тѣмъ не заслуженно набрасываетъ темную тѣнь на имя Преосвященнаго Нила, какъ будто бы онъ не расположенъ былъ къ учрежденію Рыбинской обители. Миклютинъ самъ послужилъ причиною остановки дѣла, да вѣроятнѣе всего и не могъ доставить Епархіальному начальству обстоятельныхъ свѣдѣній, отъ него затребованныхъ, и потому намѣренно молчалъ какъ предъ Ярославскимъ духовнымъ начальствомъ, такъ и предъ Святѣйшимъ Синодомъ. Преосвященный Нилъ былъ не противъ открытія монастыря, а только желалъ яснѣе и точнѣе обставить дѣло для доклада о немъ Святѣйшему Синоду. Кромѣ заявленнаго капитала на сооруженіе зданій, была только усадебная земля, купленная отъ Понизовкина въ количествѣ 15 десятинъ; а остальныя заявленыя средства къ обезпеченію монастыря были фиктивныя, значущіяся только на бумагѣ. Показанная мельница представляла одинъ гнилой остовъ, не приносящій никакого дохода; ее даже нельзя было сломать на дрова, такъ какъ монастырская часть была

толька пятая. Эта мельница скоро была размыта и разнесена водой, и слѣда отъ нея не осталось. Не могла служить прочнымъ обезпеченіемъ и земля игуменіи Кашинской. Пожертвованная ею земля была родовая, и не могла быть укрѣплена за обителью. На владѣніе этой землей Антонія могла выдать на имя Миклютина только довѣренность, съ которою Андрей Ивановичъ самъ не могъ ничего подѣлать, чтобы землю эту укрѣпить за монастыремъ [9]). Тѣмъ болѣе земля помѣщицы Свитиной, 100 десятинъ, не могла поступить въ монастырь; съ нея обитель должна была получать по 200 рублей годичной аренды въ продолженіи двадцати лѣтъ, и только. По отзыву Миклютина мельница и земли Мезенцевой (матушка Антонія) и Свитиной показывались, какъ главныя средства къ обезпеченію обители. Преосвященный Архіепископъ Нилъ требовалъ на нихъ купчихъ крѣпостей и плановъ; а Андрей Ивановичъ по вышеуказаннымъ причинамъ не могъ ихъ представить.

Изъ нѣкоторыхъ выраженій, допущенныхъ въ прошеніи Миклютина къ Преосвященнѣйшему Архіепископу Нилу, можно заключать, что дѣло объ учрежденіи Рыбинской обители Андрей Ивановичъ желалъ вести лично самъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, безъ посредства Епархіальнаго начальства, и потому желалъ только получить на то Архипастырское благословеніе. Эту именно мысль выражаютъ слѣдующія слова его прошенія: „и если Ваше Высокопреосвященство изволите благословить ходатайствовать объ оном (монастырѣ), въ такомъ случаѣ я готовъ ходатайствовать къ столь желаемому и святому дѣлу". Къ такому воззрѣнію на это дѣло располагали Миклютина: во первыхъ, неимѣніе надлежащихъ документовъ на уступаемыя монастырю земли; во вторыхъ, то видное положеніе, которое онъ занималъ среди гражданъ Рыбинска—и въ третьихъ, его полезная дѣятельность, какъ строителя Рыбинской Покровской церкви. Въ виду такихъ данныхъ Андрей Ивановичъ могъ считать себя недовольнымъ, почему на его прошеніе съ перваго раза не послѣдовалъ отвѣтъ утвердительный,

---

[9]) Земля эта утверждена за монастыремъ въ 1884 году Окружнымъ судомъ за давностію владѣнія.

когда въ прошеніи томъ предлагалась на монастырское дѣло цифра, довольно видная, 25 тысячъ рублей? Но къ иному взгляду на дѣло располагали Преосвященнѣйшаго Архіепископа Нила причины основательныя и вполнѣ уважительныя. Архипастыря озабочивала самая цифра сестеръ, желавшихъ себѣ найти готовое пристанище въ предполагаемомъ монастырѣ. Съ этою цѣлію надобно было пріобрѣсти землю и въ одно время устроять значительный общежительный корпусъ и необходимыя монастырскія службы съ какою либо оградою вокругъ обители, имѣвшей сооружаться въ пустынномъ мѣстѣ, и въ тоже самое время сооружать монастырскую церковь, и готовить помѣщеніе для церковнаго причта, и внести обезпеченіе на его содержаніе. На все перечисленное надобно было не менѣе ста тысячъ рублей; стало быть имѣвшійся капиталъ (25 т.) Архипастырю явно казался недостаточнымъ,—и онъ правъ былъ, когда написалъ въ своей резолюціи, что двадцать пять тысячъ для подобнаго заведенія есть только капля, которой одной нѣтъ возможности утолить жажду многихъ. Формальнымъ и потому болѣе продолжительнымъ производствомъ по сему дѣлу Преосвященный расчитывалъ возбудить хотя сколько нибудь сочувствія къ нему въ сердцахъ достаточныхъ Рыбинскихъ гражданъ, между которыми капиталистовъ и тогда было много, если только не болѣе настоящаго времени. Не могъ Архипастырь опустить безъ вниманія и того обстоятельства, что на Андреѣ Ивановичѣ лежало ранѣе взятое имъ обязательство по церкви Покровской, которой онъ былъ главнымъ строителемъ, въ которой происходили тогда внутреннія работы, и въ теченіи 1858 года ни одинъ изъ алтарей ея еще не былъ устроенъ. Освященіе перваго алтаря въ нижнемъ этажѣ храма было достигнуто не ранѣе ноября 1859 года. По этому Преосвященный могъ опасаться, и вполнѣ основательно, что Миклютинъ, вообще не богатый капиталами, подорветъ себя непосильными расходами по двумъ, одновременно производимымъ, сооруженіямъ и не окончитъ, какъ слѣдуетъ, ни того, ни другаго. Смотря на дѣло съ такой точки зрѣнія, обычнымъ производствомъ дѣла по устройству монастыря Миклютину было оказано благодѣяніе, но онъ смотрѣлъ иначе на законную медлительность производства. По торговымъ дѣламъ у него было не ма-

ло знакомыхъ въ Санктпетербургѣ; онъ, недовольный затребованною постановкою дѣла, началъ дѣйствовать чрезъ нихъ и просить, чтобы дѣло объ устройствѣ обители доведено было до свѣдѣнія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сунода. Изъ записки Миклютина не видно, чтобы въ этотъ періодъ времени онъ былъ лично въ Санктпетербургѣ; не смотря на то, замедленіе въ рѣшеніи монастырскаго дѣла стало извѣстно Оберъ-Прокурору въ томъ же 1858 году и побудило его писать къ Ярославскому Архіепископу и просить его мнѣнія объ устройствѣ предполагаемой обители Преосвященный Нилъ, такимъ образомъ, вынужденъ былъ защищать свой образъ дѣйствій и чего, быть можетъ, въ жизни своей никогда не думалъ, встать на сторону противниковъ устроенія монастырей. „Въ Ярославской губерніи, отвѣчалъ онъ Оберъ-Прокурору графу Толстому, имѣется восьмнадцать монастырей, и всѣ они, или почти всѣ, составляя нищетою своею бремя народа, приводятъ къ мысли скорѣй о нуждѣ умаленія, нежели увеличенія ихъ". Въ письмѣ своемъ, къ подтвержденію своего мнѣнія, не преминулъ Владыка привести и отзывъ по сему дѣлу гражданъ города Рыбинска, отнесшихся столь холодно къ мысли о созданіи у нихъ женской обители,—и дѣло это остановилось на не опредѣленное время. Въ концѣ 1858 года у Миклютина открылась надобность быть въ Петербургѣ, и онъ не замедлилъ явиться къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Сунода. Отвѣтное письмо Архіепископа было показано гостю, при чемъ ему предложено, для ускоренія рѣшенія дѣла, заявить о немъ лично Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Григорію, первенствующему члену Сунода, и Духовнику Ихъ Величествъ, протопресвитеру Василью Борисовичу Бажанову. Такое предложеніе сочтено было не иначе, какъ приказомъ, и дѣло объ устройствѣ женскаго въ Рыбинскѣ монастыря тогда же заявлено Миклютинымъ тому и другому изъ поименованныхъ членовъ Святѣйшаго Сунода. Они дали Миклютину совѣтъ: взойти въ Святѣйшій Сунодъ прошеніемъ о не исполненіи Преосвященнымъ Ниломъ прошенія его по дѣлу объ устройствѣ Рыбинской обители. Но Андрей Ивановичъ тогда не рѣшился еще на такую мѣру, которая поставила бы его, при первомъ же начинаніи святаго дѣла, въ непріязненныя отношенія къ мѣст-

ному святителю, открыто заявилъ о томъ членамъ Святѣйшаго Сунода, равно какъ и Оберъ-Прокурору, и выразилъ готовность, подчиняясь промыслу Божію, ожидать времени, когда яснѣе откроется и явлена будетъ воля Божія.

Прошло еще полгода ожиданій, нелегкихъ для каждаго. Миклютинъ въ этомъ дѣлѣ не былъ уже совершенно свободенъ. Его связывала принятая на созданіе обители жертва, которую, согласно волѣ жертвователя, надобно было возвратить ему, какъ ненужную, или же употребить въ дѣло по назначенію. Онъ видѣлъ, что такъ, или иначе, но надобно было покончить съ монастырскимъ дѣломъ. Желая знать конецъ его, Миклютинъ письмами просилъ Гг. Филиппова и Ушинскаго узнать рѣшительно отъ графа Толстаго (Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сунода); останется ли втунѣ дѣло объ устройствѣ Рыбинскаго монастыря, или же дано будетъ ему какое либо окончательное движеніе? Ушинскій написалъ ему отъ имени графа, что дѣло остановилось за самимъ строителемъ монастыря; что отъ него не поступило до сего времени никакой о семъ просьбы, и что ему должно заявить о томъ какимъ бы то ни было письменнымъ актомъ. Въ отвѣтъ на это письмо, вскорѣ послѣ того, къ тому же Ушинскому препровождена была Миклютинымъ докладная записка на имя Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сунода, въ которой было изложено: какія имѣются средства къ сооруженію обители, какое обезпеченіе, и какія имѣются мѣстныя удобства, способствующія къ ея устроенію.

Записка Миклютина, вскорѣ по полученіи ея, передана была Оберъ-Прокурору и вызвала его на отвѣтъ къ Ярославскому Архіепископу, въ которомъ ясно и живо обрисовано благотворное вліяніе иноческихъ обителей на развитіе въ народѣ духа вѣры и благочестія. По глубинѣ мысли и всесторонности взгляда на обсуждаемый вопросъ, этотъ отзывъ является замѣчательнымъ документомъ, который не безполезно привести здѣсь въ полномъ его объемѣ [10]).

„Преосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Государь и Архипастырь! Возникшая переписка по ходатай-

ству Рыбинскаго купца Миклютина объ устройствѣ возлѣ Рыбинска женскаго монастыря доселѣ остается неоконченною. Желая дать движеніе этому дѣлу, сообщаю на благоусмотрѣніе Вашему Преосвященству слѣдующее соображеніе".

„Изъ донесенія Рыбинскаго соборнаго протоіерея, Путятина, сообщеннаго Вашимъ Преосвященствомъ 23 декабря 1858 года, видно, что граждане Рыбинска находятъ ненужнымъ устроеніе предполагаемаго монастыря, и рѣшительно отказываются содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ Миклютину. Странно и прискорбно слышать столь рѣзкій отзывъ отъ одного изъ богатѣйшихъ градскихъ обществъ Россіи, отъ сословія, которое искони отличалось своею ревностію и щедростію въ пользу обителей. Такой отзывъ можно объяснить развѣ только сильнымъ вліяніемъ на рыбинское общество тамошнихъ раскольниковъ тайныхъ и явныхъ, которыхъ много почти во всѣхъ городахъ Ярославской губерніи, и которые конечно не расположены усердствовать въ пользу нашихъ монастырей. Но именно для того, чтобы противодѣйствовать расколамъ и гибельному вліянію, какое имѣютъ раскольники на массу простаго народа, необходимо пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ къ размноженію монастырей; такъ какъ вѣковыми опытами дознано, что монастырскія обители, въ особенности общежительныя со строгимъ иноческимъ уставомъ и древнимъ чиноположеніемъ Богослуженія, имѣютъ благодатное вліяніе на народъ. При извѣстной скудости средствъ Правительства къ повсемѣстному распространенію въ народѣ правильныхъ понятій о предметахъ святыя Вѣры, монастыри служатъ доселѣ благодатнымъ орудіемъ для поддержанія въ народѣ истиннаго благочестія и для противодѣйствія множеству раскольническихъ заблужденій".

„На этомъ основаніи, какъ извѣстно Вашему Преосвященству, Святѣйшій Сунодъ въ недавнее время призналъ полезнымъ устроить вновь четыре монастыря, два мужскихъ и два женскихъ, въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи, съ единственною цѣлію противодѣй-

---

[10]) Документъ этотъ приводится здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ сохранился въ запискѣ А. Ив. Миклютина. Исправлены лишь ошибки правописанія.

ствовать укоренившемуся тамъ расколу, но, по недостатку средствъ, разрѣшено пока устроить одну мужскую обитель, которая, благодаря пожертвованіямъ Государя Императора и Высокопреосвященнаго митрополита Филарета Московскаго, уже и устраивается, не смотря на то, что окрестные жители, преданные расколамъ, вовсе не расположены содѣйствовать сооруженію обители. И если бы они предварительно были спрошены объ ихъ согласіи на устроеніе монастыря, то навѣрное дали бы такой же отзывъ, какой дали протоіерею Путятину тѣ рыбинскіе граждане, къ которымъ онъ обращался. Но предполагаемая женская обитель подъ Рыбинскомъ находится несравненно болѣе въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, нежели учреждаемый въ Московской губерніи монастырь, во первыхъ потому, что для устроенія оной не потребуется со стороны казны никакого денежнаго пособія, такъ какъ пожертвованный для сего капиталъ достаточенъ для сооруженія церкви и необходимыхъ монастырскихъ построекъ, а пріобрѣтенныя земли могутъ навсегда обезпечить своимъ доходомъ содержаніе священнослужителей при обители, какъ это видно изъ прилагаемой при семъ записки, составленной изъ свѣдѣній, доставленныхъ Миклютинымъ. Во вторыхъ, пожертвованія эти, равно какъ и духовный союзъ разнаго званія вдовъ и дѣвицъ, посвятившихъ себя Господу и ходатайствующихъ объ устроеніи общежительнаго женскаго близъ Рыбинска монастыря, свидѣтельствуютъ, что между рыбинскими жителями есть еще люди, которые, при горячей ревности къ святымъ обителямъ, готовы содѣйствовать всѣми своими средствами къ сооруженію монастыря и поддержанію его на будущее время. Наконецъ, въ третьихъ, если бы въ окрестностяхъ населенія и не оказалось довольно усердствующихъ людей съ достаточными средствами къ сооруженію монастыря и поддержанію онаго для обезпеченія нуждъ будущей обители, то уже самая близость города Рыбинска вполнѣ обезпечиваетъ ее въ этомъ отношеніи, такъ какъ сюда ежегодно прибываютъ огромныя массы народа изъ низовыхъ губерній и съѣзжается съ разныхъ сторонъ Россіи богатѣйшее купечество, которое своимъ усердіемъ поддерживаетъ храмы и монастыри не только Рыбинска, но и другихъ губерній".

„Въ прежнемъ письмѣ отъ 4 декабря 1858 года Ва-

ше Преосвященство изволили замѣтить, между прочимъ, что въ Ярославской губерніи 18 монастырей, и что всѣ они, или почти всѣ, составляя нищетою своею народное бремя, приводятъ къ мысли скорѣе о нуждѣ умаленія, нежели увеличенія ихъ. Простите, Преосвященнѣйшій Владыко, если я выражу вамъ совершенно противныя убѣжденія. Монастыри у насъ содержатся частію доходами съ принадлежащихъ имъ земель и капиталовъ, частію пособіемъ отъ казны, впрочемъ весьма незначительнымъ, а всего болѣе доброхотными приношеніями богомольцевъ, и поэтому никоимъ образомъ не могутъ составлять народнаго бремени. Сто лѣтъ тому назадъ монастырей и иночествующихъ въ Россіи было, по меньшей мѣрѣ, втрое болѣе, нежели теперь, и монастыри владѣли несмѣтными богатствами, благодаря усердію и благочестію народа; съ того времени народонаселеніе увеличилось вдвое, народныя же богатства удесятерились вслѣдствіе развитія торговли и промышленности, между тѣмъ число монастырей уменьшилось чрезвычайно. Число иночествующихъ обоего пола, какъ Вашему Преосвященству извѣстно, въ настоящее время очень незначительно, не только сравнительно съ народонаселеніемъ Россіи, но даже въ сравненіи съ числомъ иночествующихъ въ православномъ населеніи Турціи. А этотъ печальный фактъ, рѣзко обнаруживающій, какъ быстро умаляется въ русскомъ народѣ число людей, способныхъ и наклонныхъ къ духовной жизни, и какъ ослабѣваетъ у нихъ усердіе къ святымъ обителямъ, явно совпадаетъ съ распространеніемъ тайныхъ и явныхъ расколовъ и обличаетъ вообще упадокъ истиннаго православія и народнаго благочестія. Къ несчастію, духовное вѣдомство, сознавая вполнѣ всю необходимость въ сооруженіи монастырей и увеличеніи въ Россіи числа оныхъ, не имѣетъ на это средствъ, при крайней ограниченности своихъ доходовъ, и при постоянно возрастающихъ нуждахъ церковныхъ. Поэтому то всякое пожертвованіе частныхъ лицъ къ благоустроенію новыхъ обителей, въ особенности же въ мѣстности, гдѣ усиливается расколъ, есть отрадное и утѣшительное явленіе при нынѣшнихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; и настоящее ходатайство объ устроеніи женской общежительной обители подъ Рыбинскомъ, предпринятое людьми, истинно благочестивыми, единственно изъ ревности

къ славѣ имени Божія и по наклонности къ духовной жизни, было бы грѣшно и преступно оставить безъ участія и всевозможнаго содѣйствія".

„Въ заключеніе, имѣю честь просить васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, предписать протоіерею Путятину удостовѣриться лично отъ Миклютина по имѣющимся у него документамъ: дѣйствительно ли для предполагаемаго монастыря имѣются тѣ средства, какія означены въ прилагаемой запискѣ, и затѣмъ взойти въ Святѣйшій Сунодъ съ представленіемъ по сему предмету".

Можно себѣ представить, какое грустное и мрачное впечатлѣніе произвело въ умѣ Преосвященнаго Нила это правительственное сообщеніе. Его старца монаха уличаютъ въ несочувствіи къ дѣлу иноческому и предлагаютъ усвоить себѣ другой взглядъ по сему предмету.... Ему, хотя въ скромной формѣ, предлагаютъ разсужденіе о пользѣ монастырей и ихъ благотворномъ вліяніи на массы православнаго народа, какъ незнающему этой истины; тогда какъ онъ самъ былъ строителемъ монастыря въ горахъ Саянскихъ Иркутской губерніи, истратилъ на сооруженіе онаго нѣсколько своихъ собственныхъ десятковъ тысячъ рублей и самымъ дѣломъ доказалъ свое непоколебимое убѣжденіе въ благополезности иноческаго служенія для интересовъ Православія. Архипастырь только желалъ обставить болѣе благопріятными условіями основаніе и открытіе Рыбинской общежительной обители; но Миклютинъ увлекся обстоятельствами и не устоялъ въ ранѣе выраженной имъ готовности подчиниться промыслу Божію и выжидать времени, къ тому благопріятнаго, и началъ дѣйствовать съ нетерпѣніемъ и ревностію не по разуму. Изъ записки его не видно, онъ ли лично отъ себя, по своимъ убѣжденіямъ, такъ поставилъ дѣло, — или же его Петербургскіе друзья, намъ неизвѣстные, повели дѣло въ желаемомъ ими направленіи, но они воспользовались вышеприведеннымъ отвѣтнымъ письмомъ Преосвященнаго Архіепископа такъ, что на него наброшена была неблаговидная тѣнь несочувствія доброму начинанію Рыбинскаго женскаго монастырскаго общежитія. Въ данныя минуты Архіепископъ находилъ себя въ положеніи наиболѣе затруднительномъ. Сложившіеся обстотельства были противъ него, но не вызвали въ немъ ни ропота, ни протеста. Ни мало не медля пред-

писано было настоятелю Рыбинскаго собора протоіерею Путятину расположить гражданъ Рыбинска къ устроенію у нихъ женскаго монастыря и представить свѣдѣнія, по сему дѣлу необходимыя для доклада Святѣйшему Сѵноду, а также провѣрить по документамъ Андрея Ивановича Миклютина имѣющіяся на лицо данныя къ устройству обители. Дѣло съ этого времени пошло благопріятнѣе. Тотъ же протоіерей Путятинъ, который ранѣе заявлялъ о выраженномъ Рыбинскими гражданами несочувствіи къ сооруженію монастыря, въ настоящее время представилъ своему архипастырю свѣдѣнія, совершенно противоположныя. Въ донесеніи протоіерея значилось, что къ устройству женской близь Рыбинска обители вполнѣ благопріятствуютъ мѣстныя обстоятельства и благочестивая благотворительность рыбинскихъ жителей, устроившихъ у себя, начиная съ 1834 года, три величественные храма: приходскій Крестовоздвиженскій, Преображенскій—соборный и приходскій Покровскій, приготовляемый къ освященію. Путятинъ не умолчалъ, что гражданами Рыбинска выражено желаніе устроить и еще новую приходскую церковь, для которой собрано уже около 20000 рублей. У Миклютина имѣлись, по донесенію Путятина, слѣдующія наличныя средства: 1) 26160 р. банковыми билетами и процентами на нихъ, 2) сто десять десятинъ земли, жертвуемой Пошехонскою помѣщицею Свитиною, дающихъ годоваго дохода 200 рублей, 3) земля, купленная Миклютинымъ [11]) у игуменіи Кашинскаго Срѣтенскаго монастыря Антоніи и доставляющая не менѣе 100 рублей годичнаго дохода, и 4) земля, купленная подъ Рыбинскомъ у купца Понизовкина въ количествѣ около шестнадцати десятинъ, назначенная для возведенія монастырскихъ зданій, съ мельницею на ней, приносящею годоваго дохода 57 рублей. Но при рапортѣ Путятина вновь не было приложено ни владѣтельныхъ на земли актовъ, ни плановъ на тѣ земли, ни плановъ предполагаемыхъ построекъ. Преосвященный архіепископъ Нилъ рѣшился дать движеніе дѣлу немедлен-

---

[11]) Миклютинъ едва ли имѣлъ тогда купчую крѣпость на эту землю, когда въ Святѣйшій Сѵнодъ, чрезъ четыре мѣсяца послѣ провѣрки документовъ Путятинымъ, представилъ на эту землю только довѣренность отъ игуменіи Антоніи.

но, и 15 октября 1859 года вошелъ съ представленіемъ и ходатайствомъ въ Святѣйшій Сунодъ о дозволеніи въ окрестностяхъ города Рыбинска устроить женскій общежительный монастырь, при чемъ заявилъ о мѣстныхъ къ такому сооруженію удобствахъ и готовности рыбинскихъ гражданъ поддерживать имѣющую быть устроенною у нихъ женскую общежительную обитель. По разсмотрѣніи означеннаго представленія, потребованы были отъ Миклютина въ Святѣйшій Сунодъ акты на уступаемыя монастырю земли и другія по сему дѣлу свѣдѣнія, которыя и представлены Миклютинымъ Святѣйшему Суноду, хотя и не въ надлежащей полнотѣ, при прошеніи отъ 1 февраля 1860 года.

Въ прошеніи Миклютина поставлены три пункта, изъ которыхъ въ первомъ значилось, что въ Рыбинскѣ и во всемъ его уѣздѣ нѣтъ женской обители, а между тѣмъ есть желающія вдовы и дѣвицы посвятить себя молитвенной и трудолюбивой монастырской жизни. Многіе граждане вызвались споспѣшествовать сооруженію обители съ тѣмъ, чтобы онъ Миклютинъ принялъ на себя трудъ созиданія монастыря въ такомъ объемѣ, въ какомъ предложены будутъ средства. Во второмъ пунктѣ прошенія обозначено, что онъ Миклютинъ, пріемля званіе строителя, имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточныя средства къ начатію монастырскихъ построекъ; дальнѣйшее же благоустроеніе и существованіе обители будетъ обезпечено приношеніями мѣстныхъ гражданъ и иногородныхъ капиталистовъ, ежегодно посѣщающихъ Рыбинскъ и сверхъ того трудами жительницъ обители, которая для сего должна быть общежительною. Въ третьемъ пунктѣ прошенія значилось, что онъ Миклютинъ заявлялъ Епархіальному начальству о имѣющемся у него капиталѣ на сооруженіе обители, который къ дню подачи прошенія достигъ цыфры въ 26380 рублей. Изъ числа оныхъ, восемь тысячъ рублей представлены имъ Миклютинымъ, какъ вѣчное обезпеченіе обители, а остальная часть капитала оставлена имъ у себя для сооруженія монастырскихъ зданій. Вмѣстѣ съ восемью тысячами, Миклютинымъ приложены были къ прошенію: 1) единственная купчая крѣпость на 15 десятинъ 2320 квадр. саж. земли, назначенной для постройки монастырскихъ зданій, и 2) планы предполагаемыхъ построекъ. На земли же Г.

Мезенцевой (игуменія Антонія) и Г. Свитиной Миклютинъ представилъ Святѣйшему Суноду однѣ довѣренности, владѣлицами данныя на имя его Миклютина.

Въ Святѣйшемъ Сунодѣ дѣло по устройству Рыбинскаго монастыря поведено очень быстро; 25 февраля и 5 марта состоялись сунодальныя о немъ опредѣленія; а 16 апрѣля 1860 года дѣло это, окончательно подготовленное, представлено на Высочайшее утвержденіе, которое тогда же и воспослѣдовало. Отъ 25 мая 1860 года по сему дѣлу послѣдовалъ указъ Святѣйшаго Сунода на имя Преосвященнаго Нила, Архіепископа Ярославскаго, который, въ свою чреду, далъ знать о семъ Андрею Ивановичу Миклютину слѣдующимъ отношеніемъ.

„Указомъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода отъ 25 мая за № 2084 дано мнѣ знать о Высочайше утвержденномъ въ 16 день апрѣля опредѣленіи Святѣйшаго Сунода касательно дозволенія Вамъ устроить близь Рыбинска общежительный женскій монастырь на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) чтобы обитель сія была посвящена Софіи Премудрости Божіей; 2) чтобы сестеръ въ этой обители, по учрежденіи ея общежительною, было столько, сколько позволятъ ея средства; 3) чтобы изъ сестеръ одна была Настоятельницею, а другая казначеей монастыря; а для отправленія въ монастырѣ Богослуженія опредѣленъ былъ особый причтъ; и наконецъ 4) чтобы какъ устроеніе монастыря, такъ и самое существованіе онаго предоставлено было собственнымъ его способамъ и пожертвованіямъ благотворителей по примѣру многихъ другихъ обителей, безъ всякаго пособія отъ казны“.

„Сообщая о семъ Вамъ, Милостивый Государь, и призывая Божіе благословеніе на дѣло, къ которому бывъ движимы ревностію по вѣрѣ и благочестію, рѣшились Вы приступить, пребываю всегдашнимъ Вашимъ молитвенникомъ Нилъ, Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій“.

Планы и документы, возвращенные Сунодомъ, высланы были Андрею Ивановичу Духовною Консисторіею при отношеніи отъ 12 іюля 1860 года за № 5914.

Глава IV.

Построеніе монастыря.

Андрей Ивановичъ вполнѣ былъ увѣренъ въ скоромъ и положительномъ рѣшеніи дѣла объ устройствѣ обители, и заблаговременно началъ готовить строительные матеріалы. Изъ Петербурга дано было знать Миклютину, что рѣшеніемъ монастырскаго дѣла Святѣйшій Сунодъ не замедлитъ. Вскорѣ затѣмъ новое получено извѣщеніе, вполнѣ для него радостное, что 16 апрѣля 1860 года состоялось объ учрежденіи монастыря Высочайшее утвержденіе; по этому весна того года прошла не безполезно. Изъ сухихъ бревенъ и тесинъ, еще зимою заготовленныхъ, два зданія, одно для самого строителя, и другое, болѣе обширное, для нѣкоторыхъ изъ Угличскихъ сестеръ, были приготовлены къ началу лѣта [12]). Устроенъ кирпичный заводъ, но на первыхъ же порахъ вышла не малая печаль; не находилось рабочихъ для этого издѣлія, что причиняло особую озабоченность для строителя. Куплено было значительное количество бревенъ разныхъ размѣровъ, которыя немедленно препровождались на указанное мѣсто. Наняты пильщики готовить тесъ для крыши зданій и настилки половъ. Приняты мѣры для заготовки бутоваго дикаго камня. Одною изъ первыхъ заботъ послѣ сего для строителя явилась сознанная потребность обнести мѣсто предполагаемаго монастыря какою либо оградою съ двумя каменными же на углахъ ограды башнями. Съ самаго начала монастырскихъ работъ находились при нихъ не отлучно сестры общины. Вотъ онѣ съ большимъ вниманіемъ осматриваютъ мѣстность начавшей

---

[12]) Андреемъ Ивановичемъ куплена была огромная баржа, изъ которой и построены поименованныя зданія.

созидаться обители, смотрѣли и не могли надивиться. Монастырь началъ устрояться тамъ, гдѣ былъ пустырь и по временамъ пастбище скота. Близь стоявшая деревня называлась Гремячево. Живо вспомнили онѣ тогда предреченіе отца Петра, своего Угличскаго наставника, о мѣстѣ ихъ будущаго монастыря: „а стройте тамъ, гдѣ Богъ велитъ, да чу! гремитъ"; деревня Гремячево тутъ и есть, и своимъ обычнымъ деревенскимъ стукомъ, говоромъ, иногда крикомъ, постоянно давала знать о себѣ. Но удивленіе сестеръ увеличилось еще болѣе при дальнѣйшемъ осмотрѣ. По монастырской землѣ пролегалъ ручей, и въ немъ оказалось столько дикаго камня, годнаго для бута, что доставка его со стороны признана излишнею; дикарь немедленно стали выбирать изъ воды, и его съ избыткомъ достало подъ всѣ зданія обители. Понятны стали тогда ручей и кладъ, упомянутые сестрамъ въ загадочномъ отвѣтѣ прозорливаго старца. Передано это изреченіе строителю монастыря, который зналъ отца Петра и раньше, но съ той поры началъ питать еще большее уваженіе къ прозорливцу. Немедленно Миклютинымъ рѣшена была поѣздка къ отцу Петру, чтобы просить его благословенія и святыхъ молитвъ, на предлежащій трудъ созданія обители. Уваженіе къ старцу на столько стало велико въ строителѣ обители, что ни одной работы не начиналъ онъ безъ его спроса и совѣта. Случалось такъ, что не было возможности Андрею Ивановичу съѣздить въ Іерусалимскую слободу; тогда онъ посылалъ одну или двухъ сестеръ побывать у отца Петра и попросить его благословенія на дальнѣйшій трудъ.

Къ 15-му іюля подготовлены были всѣ предварительныя работы къ освященію начинаемаго дѣла; канавы для бута ископаны, бутъ заложенъ, кирпичъ надѣланъ, бѣлый камень и известь доставлены на мѣсто. Но и при этихъ работахъ, составлявшихъ только подготовку дѣла, открылось нѣчто необыкновенное. Когда рабочіе приступили къ вырытію канавы для бута подъ церковь и вынули земли на два аршина, ими найденъ былъ въ землѣ камень, имѣющій совершенный видъ просфоры. Необыкновенный видъ камня, его поразительное сходство съ хлѣбомъ, приносимымъ въ жертву Господу, самое мѣсто его нахожденія располагали вѣрить и всѣхъ невѣрующихъ, что мѣсто это угодно Господу и какъ-бы за-

ранѣе предъизбрано имъ для приношенія на немъ жертвы безкровной. Камень убранъ и впослѣдствіи употребленъ для прибитія напрестольной доски къ четырехъ-столпію при освященіи перваго монастырскаго храма во имя Божіей Матери—Радости всѣхъ скорбящихъ и затѣмъ, по чину церкви, положенъ вмѣстѣ съ прочими камнями подъ святымъ престоломъ, на память потомству о Божіемъ благословеніи.

Оставалось приступить къ каменной кладкѣ; тогда Андрей Ивановичъ отправился въ Ярославль просить Преосвященнѣйшаго Архіепископа Нила самолично прибыть на освященіе и закладку монастырскаго собора. Преосвященный чувствовалъ себя не совсѣмъ тогда здоровымъ, но онъ зналъ, что личное прибытіе его на заложеніе обители подниметъ все дѣло во мнѣніи гражданъ Рыбинска и потому, забывая немощь старческую, оставляя втуне понесенныя имъ непріятности, охотно отправился со свитою своею на пароходѣ отъ Ярославля къ Рыбинску и прибылъ вечеромъ 19 іюля прямо въ соборъ. Здѣсь, по обычномъ молитвословіи, его пастырское привѣтствіе огласило предстоявшихъ гражданъ, сошедшихся со всего города принять Архипастырское благословеніе, и немедленно начато и совершено всенощное бдѣніе, въ сослуженіи святителю всего соборнаго клира. На другой день, 20 іюля, въ томъ же соборномъ храмѣ совершена Архипастыремъ Божественная литургія и открытъ крестный ходъ къ мѣсту, избранному для обители. День былъ жаркій; отъ священнодѣйствовавшихъ и всѣхъ участниковъ въ духовной процессіи требовалась вся сила терпѣнія. Шествіе продолжалось около двухъ часовъ подъ палящими лучами солнца; но утомительность шествія не уменьшила ревности дѣятелей. Народъ занялъ всю улицу города сплошною массою по направленію къ монастырю, и явился на мѣстѣ заложенія обители. Здѣсь Архипастырь произнесъ свое привѣтственное слово, которое тѣмъ съ большею готовностію помѣщаемъ, что оно не вошло въ число словъ сего Архіепископа, отпечатанныхъ въ 1860 году.

„Христоименитые слушатели!

„Вводя Израильтянъ въ землю обѣтованную—въ землю, кипящую медомъ и млекомъ (Втор. 27, 3), объ-

щая имъ изобиліе плодовъ и все потребное къ жизни, счастію и довольству, Богъ въ то же время предвозвѣщалъ имъ, что нищіе всегда будутъ среди земли ихъ (Втор. 15, 11). И это для того, чтобы врожденное человѣку чувство любви къ ближнему не оставалось бездѣйственнымъ и мертвымъ; чтобы рука, пріемлющая не оскудно дары свыше, всегда отверста была для требующихъ помощи".

„Къ тѣмъ же благотворнымъ цѣлямъ направлены были и повелѣнія Господни. Сынъ ветхозавѣтныя церкви обязывался отдѣлять десятины отъ всѣхъ произведеній и отдавать ихъ левиту и пришельцу, вдовѣ и сиротѣ (Втор. 26, 12). Ему запрещалось возвращаться за снопомъ, забытымъ послѣ жатвы на полѣ;—пересматривать за собою вѣтви во время обиванія маслинъ;—обирать до чиста виноградъ, когда въ виноградникѣ снимаются плоды. Ибо всѣ эти останки долженствовали по заповѣди Господней поступать на долю странныхъ, сирыхъ и убогихъ (Втор. 24, 18—21)".

„Въ церкви новозавѣтной дѣйствія человѣколюбія, какъ и многія другія, не ограничены вещественными началами. Онѣ предоставлены свободѣ, *ею же Христосъ насъ свободи* (Гал. 5, 1). И свобода сія, руководима будучи высокимъ примѣромъ Божественнаго свободителя душъ нашихъ и зиждительнымъ Его словомъ: *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ* (Матѳ. 5, 7), гдѣ не оказала благодатной силы своей? Гдѣ послѣдователи Христовы не являли и не являютъ благотворнаго вліянія своего на человѣка, на его внутреннее преспѣяніе и внѣшнее благосостояніе? Ихъ рукою учреждены человѣколюбивыя общества, устроены домы призрѣнія дѣтей, вдовицъ, сиротъ, убогихъ, болящихъ и заключенныхъ;—насаждены церкви и обители въ славу и похвалу имени Божія".

„Добраго сего свидѣтельства не лишенъ и градъ Рыбинскъ. Храмы его преукрашены; нищіе его милостивно призрѣны. Готовность его ко всякому благому начинанію вѣдома ближнимъ и дальнимъ, не въ предѣлахъ только паствы нашей, но и на пространствѣ царства православнаго".

„Итакъ не сомнѣваюсь братіе, что въ награду добрыхъ дѣлъ и въ залогъ благословенія вамъ и дѣтямъ ва-

шимъ, присѣдящая престолу Божію премудрость, манiемъ Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего созидаетъ здѣсь во имя свое святую обитель. Ибо къ полнотѣ и благолѣпію града, ея только и недоставало".

„Ущедряя же градъ таковымъ даромъ своимъ, подвигнувъ на дѣло созиданія одного изъ согражданъ вашихъ, Промыслъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ васъ призываетъ, да ни кто же лишится мзды своея, но да общницы бывше въ жертвахъ и приношеніи Господеви, общеніе имате со всѣми святыми и въ дарахъ благодати Его. *Еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ* (Гал. 6. 7). *Сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ: а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. 9, 6—7)".

„Тебѣ же, Боже отцевъ нашихъ и Господи Вседержителю, молимся во умиленіи душъ нашихъ: призри съ небеси на мѣсто сіе, отжени отъ него враговъ видимыхъ и невидимыхъ, Ангелъ Твоихъ святыхъ ополченіемъ огради его, во еже быти ему селеніемъ славы Твоея и тихимъ для обуреваемыхъ страстьми вѣка сего пристанищемъ; Боголюбивыхъ же здателей умудри, благоуспѣши и благослови. Аминь".

По окончаніи слова, Архипастыремъ совершено, по чину и уставу церкви, заложеніе соборнаго монастырскаго храма во имя Софіи Премудрости Божіей и освящено все мѣсто, назначенное для обители. Въ предстоящихъ зрителяхъ сего знаменательнаго событія явно были видны чувства радости и умиленія. Старшія изъ сестеръ угличской общины, бывшія на лицо, многолѣтнымъ путемъ томительнаго ожиданія достигшія дня сего, плакали теперь отъ радости. Самъ строитель обители Андрей Ивановичъ, всюду сопровождая святителя, тоже могъ только радостно плакать, но не словами выразить восторженное состояніе своего духа. Остальные часы дня сего преутрудженнымъ Архипастыремъ посвящены были пользамъ того же монастырскаго дѣла. Онъ посѣтилъ городскаго голову купца Щербакова и домы другихъ лицъ, извѣстныхъ въ Рыбинскѣ своею благотворительностію и усердіемъ къ храмамъ Божіимъ и въ личной съ ними бесѣдѣ успѣлъ, сколько могъ, расположить ихъ къ дѣятельной помощи начавшей устрояться святой обители. Средства въ рукахъ строителя были очень не значитель-

ны, и дружная общественная помощь благотворителей до полной очевидности становилась въ семъ дѣлѣ необходимою.

На другой же день, по отбытіи Архипастыря, началась каменная кладка стѣнъ соборнаго монастырскаго храма, при личномъ наблюденіи за дѣломъ самаго строителя. Въ дѣлѣ томъ вскорѣ же явился ему усердный помощникъ въ лицѣ рыбинскаго купца Николая Ѳокича Васкакова, знакомаго уже Миклютину по строительству Покровской рыбинской церкви. Васкаковъ предложилъ посильную отъ себя помощь на все время сооруженія обители, что обрадовало духъ строителя; явились и другія, не ожиданныя на дѣло сіе пожертвованія. Такъ живительны были и благотворны молитва и благословеніе Владыки, равно какъ и его мудрые совѣты, данные нѣкоторымъ изъ гражданъ города!

Но не одни радости, и горе нечаянное пришлось испытать строителю обители. Полученное Андреемъ Ивановичемъ письмо отъ довѣреннаго его прикащика, закупавшаго на него пшеницу въ низовыхъ пристаняхъ Волги, сообщило Миклютину печальную вѣсть о потопленіи его судна, нагруженнаго хлѣбомъ. Вѣсть эта тѣмъ болѣе была горестна и тяжела, что закупленный хлѣбъ былъ не застрахованъ, и съ его гибелью терялась цѣлая половина всего состоянія Андрея Ивановича. Мало было утѣшенія въ томъ, что обычнымъ порядкомъ произведено было слѣдствіе о томъ печальномъ событіи; виновныхъ не оказалось: оставалось только примириться съ совершившимся фактомъ, столько тяжелымъ и непоправимымъ. Въ горестномъ состояніи духа у Андрея Ивановича явилось желаніе посѣтить іерусалимскаго отца Петра. Прозорливый старецъ, встрѣчая путника, далъ понять, что ему вѣдомы понесенныя имъ потери и болѣзни сердца и утѣшилъ его такъ, какъ сильны бываютъ выполнить такое дѣло только одни избранники Божіи. „Что то таинственно-чудное въ словахъ старца прикасалось душѣ моей, говоритъ въ своей запискѣ Миклютинъ, и до того утѣшило меня, что и спокойствіе свое и все состояніе готовъ я былъ отдать за тѣ святыя минуты. Я чувствовалъ что-то не земное; при благодатныхъ словахъ вѣщавшаго старца, мирившихъ душу, врачевавшихъ сердце, я какъ бы получалъ вознагражде-

ніе за свои лишенія и скорби, и опытно могу сказать, что лучше день одинъ во дворѣхъ Господнихъ, нежели тысячи въ селеніихъ грѣшничихъ". Съ того времени Андрей Ивановичъ замѣтно началъ быть какъ бы совсѣмъ другой; потери и скорби менѣе стали уязвлять его сердце. Онъ узрѣлъ, можетъ быть еще первый разъ на своемъ вѣку, что лишенія и потери есть зовъ неизрѣченной любви Божіей, призывающей душу съ распутій міра сего, что путь къ наслѣдію жизни вѣчной есть путь тѣсный и скорбный и для всѣхъ одинаковый.

Старецъ выслушалъ разсказъ гостя о начатіи монастырскихъ работъ и заложеніи соборнаго Софійскаго храма и не велѣлъ спѣшить его построеніемъ, сказавши строителю, что если дѣломъ этимъ поспѣшишь, то людей насмѣшишь [18]. Лучше строй-ко церковь въ угловой то башенкѣ по меньше, такъ скорѣе въ монастырькѣ-то услышится служба Господня. Мысль такая была не чужда и Миклютину, но раньше какъ то смутно сознавалась имъ. Предложи этотъ совѣтъ кто либо изъ рыбинскихъ, знающихъ дѣло, гражданъ, строитель и неподумалъ бы принять его; а въ словахъ убѣленнаго сѣдинами старца онъ явился какъ бы вразумленіемъ свыше; и Андрей Ивановичъ, возвратившись домой, неумедлилъ подать Преосвященнѣйшему Нилу прошеніе о дозволеніи заложить въ угловой башнѣ малый теплый храмъ для зимняго времени. Съ полученіемъ просимаго дозволенія, строеніе главнаго соборнаго храма было отложено,—и 17 августа 1860 года заложенъ былъ въ сѣверовосточной угловой башнѣ новый малый храмъ во имя Божіей Матери—радости всѣхъ скорбящихъ. Осенью того же года устроена деревянная колокольня. Рядомъ съ угловымъ храмомъ началъ сооружаться деревянный двухъэтажный корпусъ для помѣщенія въ немъ готовившихся къ иноческой жизни бѣдныхъ сестеръ угличской общины. Отдѣльно отъ сего за чертою монастыря, устроенъ былъ деревянный же домъ для жительства священнослужителей. Работы производились быстро; внутренняя отдѣлка храма и построенныхъ зданій производилась всю зиму и окончена благопоспѣшно. Въ великій постъ 1861 года Андрей Ивановичъ явился къ Преосвященнѣйшему

---

[18]) Это предреченіе впослѣдствіи оправдалось самымъ дѣломъ.

Нилу просить о дозволеніи освятить теплый храмъ обители и опредѣлить къ нему причтъ церковный.

Преосвященнѣйшимъ Владыкою сдѣлано все по желанію строителя. Апрѣля 6 дня опредѣлены были священникъ [14]) Павелъ Массальскій, уже 4 года служившій въ сельскомъ приходѣ, и дьячекъ изъ села Сасыева, Мологскаго уѣзда, Иванъ Бѣликовъ, состоящіе и доселѣ при обители; на содержаніе даннаго причта назначено отъ монастыря жалованье, въ количествѣ 131 рубля, въ такомъ же точно размѣрѣ получаемое и въ настоящее время. Въ новоустроенный корпусъ положено было пригласить всѣхъ остальныхъ сестеръ угличской общины. Но старшія изъ сестеръ, намъ извѣстныхъ, не дожили до сего времени. Бывшая руководительницею общины—Матрона Ивановна Гулина скончалась еще въ 1859 году, вполнѣ созрѣвши для жизни небесной; Анна Николаевна Леонтьева и Марья Дмитріевна Свитина также отошли ко Господу,—и только младшія изъ сестеръ вошли въ наслѣдіе жизни иноческой и начали жизнь монастырскую. По избранію строителя назначены быть: настоятельницею—Любовь Алексѣевна Ососкова, вдова 40 лѣтъ, изъ купеческаго рода города Бѣжецка, умѣющая читать и писать, но еще безъ постриженія въ монашество; а казначеею—Марья Михайловна 41 году, дѣвица изъ мѣщанскаго званія. Впрочемъ, Владыка, соглашаясь на всѣ ходатайства Андрея Ивановича, въ предварительной бесѣдѣ съ нимъ не преминулъ сдѣлать замѣчаніе противъ назначенія начальницею монастыря одной изъ сестеръ общины. Не лучше ли назначить на эту должность одну изъ монахинь, пожилую и опытную? сказалъ Владыка. Въ каждой обители инокинь и посты строже, чѣмъ въ простой общинѣ, и послушанія выполняются полнѣе, и всѣ уставы иноческіе проходятся сознательнѣе и точнѣе; поэтому монахиня лучше упорядочитъ

---

[14]) Павелъ Ѳедоровичъ Массальскій діаконскій сынъ, по окончаніи курса Семинаріи во 2-мъ разрядѣ, 11 окт. 1847 года поступилъ въ сельскую школу наставникомъ, а 27 февр. 1857 г. посвященъ во іерея въ село Борисоглѣбское на Воронежкѣ, Угличскаго уѣзда. Діакономъ на причетнической вакансіи въ составъ монастырскаго причта рукоположенъ 24 декабря того же 1861 года, изъ окончившихъ курсъ Семинаріи 2 разряда, Іоаннъ Богоявленскій.

созидаемую обитель въ ея внутреннемъ устройствѣ, чѣмъ какая либо сестра общины? Но строитель держался того взгляда, что сестры уже сроднились между собою въ многолѣтнемъ добровольномъ союзѣ, что ихъ община выдержала много бурь и нравственныхъ испытаній и пребыла крѣпкою, что полное подчиненіе воли всѣхъ сестеръ одной избранной изъ среды ихъ начальницѣ—дѣло не новое и имъ извѣстное, и для нихъ не тягостное. Владыка, безъ всякаго сомнѣнія, понималъ шаткость такихъ доводовъ, но онъ видѣлъ въ строителѣ обители человѣка предубѣжденнаго, съ которымъ приходилось дѣйствовать снисходительно, по этому не дозволилъ себѣ распорядиться настойчиво и рѣшительно,—и Миклютинъ выбылъ отъ Архипастыря съ покойнымъ духомъ; но этой тишинѣ и мирному настроенію души Андрея Ивановича не было суждено быть продолжительными.

По возвращеніи строителя, приступлено было къ торжеству освященія храма. Оно совершено было соборне 9-го апрѣля 1861 года, въ пятое воскресенье великаго поста, протоіереемъ Рыбинскаго собора Родіономъ Путятинымъ, при участіи въ томъ торжествѣ и назначеннаго въ обитель священника, отца Павла Массальскаго. Многіе изъ гражданъ Рыбинска почтили это торжество своимъ присутствіемъ къ большей радости строителя и сестеръ, которыя съ открытіемъ постояннаго Богослуженія стали считать свое мѣстожительство въ полномъ смыслѣ слова обителью инокинь. Согласно съ словеснымъ обѣщаніемъ Преосвященнѣйшаго Владыки, Миклютинъ форменно просилъ отъ лица сестеръ о назначеніи у нихъ настоятельницею Любови Алексѣевны Ососковой и казначеею—дѣвицы Маріи Михайловой,—и обѣ сестры утверждены въ тѣхъ должностяхъ указомъ Консисторіи отъ 29 іюля 1861 года, но еще безъ постриженія въ монашество, которое, по уставу, слѣдовало принять послѣ прохожденія трехлѣтняго искуса. Книгъ приходорасходныхъ ни церкви, ни монастырю, дано не было, можетъ быть, потому, что содержаніе сестеръ падало почти всею тяжестію на строителя обители. Между тѣмъ постройки продолжались неутомимо. Весной и лѣтомъ 1861 года возобновлены работы главнаго монастырскаго храма; въ то же время другая башня юговосточная выведена до верха и была покрыта. Соблюдая

симметрію въ распорядкѣ зданій, строитель приспособилъ и эту башню къ устроенію въ ней церкви; только эта, вчернѣ приготовленная церковь, долгое время оставалась безъ внутренней отдѣлки за неимѣніемъ на то достаточныхъ средствъ. Къ ней въ томъ же году начатъ прикладкою каменный корпусъ для жительства сестеръ, что и продолжалось до поздней осени.

Наступавшая зима заставила покончить работы. Пріостановка ихъ была благополезна и для Андрея Ивановича; она давала ему возможность пріискивать новыя средства на великое дѣло, имъ предпринятое. Изъ своихъ домашнихъ достатковъ для Миклютина не оказывалось возможности жертвовать чѣмъ либо многимъ на монастырское дѣло. Подростали дѣти; старшая дочь Миклютиныхъ, очень красивая собою, становилась взрослою дѣвицею, и мать не могла отказать дочери въ приличныхъ нарядахъ, не могла не думать объ устройствѣ для нея приданаго. А торговыя дѣла не радовали; послѣ понесенной потери судна съ пшеницей, торговля сокращена была въ размѣрѣ, что замѣчено было между всѣми рыбинскими торговцами. Иногда находило раздумье и на Андрея Ивановича; не рѣдко знакомые купцы - хлѣбники замѣчали ему, что съ монастырскимъ дѣломъ онъ началъ подрывать свою торговлю, уменьшать свои дѣла. Будетъ ли, говорили они, польза въ томъ душевная, чтобы устроить монастырь, а свое семейство обобрать и довести до бѣдности? Миклютинъ молчалъ, но подобныя замѣчанія грустно и больно было слышать; онѣ поднимали бурю въ душѣ, онѣ сопровождались унынiемъ, нерѣдко переходившимъ границы. Но разъ начатое надобно было докончить. Андрей Ивановичъ душею и сердцемъ страдалъ, мучился, унывалъ; но и въ минуты унынія рука провидѣнія подкрѣпляла его. Ему живо вспоминалась бесѣда съ отцемъ Петромъ угличскимъ,—и искра благодати Божіей вновь разгоралась въ сердцѣ его въ великое пламя любви Божественной. Да будетъ воля Божія! говорилъ тогда Миклютинъ. Что мы здѣсь, какъ не убогіе и странные? Не имѣемъ здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ (Евр, 13, 14). Истинное отечество наше *на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя нашего ждемъ* (Филип, 3, 20).

Настала весна 1862 года. Строитель вновь поста-

вилъ рабочихъ на недоконченныя зданія. Въ теченіи лѣта каменный корпусъ выведенъ былъ въ три этажа, покрытъ и по возможности отдѣланъ внутри; на зиму онъ былъ уже занятъ обитательницами монастыря, хотя впослѣдствіи оказался и не совсѣмъ удобнымъ для жительства и потребовалъ передѣлки. Главный храмъ во имя Софіи Премудрости Божіей также былъ весь отстроенъ вчернѣ и покрытъ. Внутреннею отдѣлкою можно было и не спѣшить тѣмъ болѣе, что уже истощились средства, имѣвшіяся въ рукахъ Миклютина. А между тѣмъ окрестные жители и многіе дальніе богомольцы во множествѣ приходили въ новоустрояемую обитель; въ малой Всѣхъ скорбященской церкви часто бывало тѣсно, особенно въ дни воскресные и двунадесятыхъ праздниковъ. Многіе изъ приходившихъ оставались за дверями храма и могли только въ окна хотя сколько нибудь видѣть совершавшееся богослуженіе. Крайняя нужда въ болѣе помѣстительномъ храмѣ была очевидна для всѣхъ, и наиболѣе сознавалась строителемъ обители. Совѣтуясь съ постояннымъ своимъ въ дѣлахъ строительства помощникомъ, купцемъ Баскаковымъ, Андрей Ивановичъ рѣшился письменно просить о помощи монастырскому дѣлу купцовъ иногородныхъ, знакомыхъ ему издавна по дѣламъ торговымъ. Эта мѣра принесла плоды благіе. Нѣкоторые не умедлили отвѣтомъ, и въ теченіи зимняго времени прислали свои пожертвованія; не мало оказалось такихъ, которые обѣщали съ лѣтнимъ прибытіемъ въ Рыбинскъ принести свои жертвы. Къ тому же явилось новое побужденіе спѣшить внутреннимъ убранствомъ сооруженнаго храма. Носились слухи, что въ 1863 году Государь Императоръ намѣревается посѣтить сѣверные города Россіи, а въ томъ числѣ и Рыбинскъ; строителю думалось: куда принять Императора, если бы ему пришла мысль посѣтить новостроющуюся обитель? Все это расположило Миклютина въ зимнее время съ 1862 на 1863 годъ сдѣлать заказы сооруженія иконостасовъ для Софійскаго храма; а весной 1863 года Андрей Ивановичъ рѣшился наскоро отдѣлать весь этотъ храмъ, составлявшій красу обители, что однако же стоило большихъ трудовъ и затратъ, по значительной его вмѣстимости. Длина храмоваго зданія составляетъ 22 сажени, широта его — семь съ половиною саженъ и высота отъ земли до креста сред-

ней главы достигаетъ двѣнадцати саженъ съ половиною. По внутреннему своему расположенію храмъ этотъ представляетъ видъ громадной залы съ двумя рядами большихъ оконъ, каждое по три сажени высоты, которыя даютъ много свѣта и дѣлаютъ храмъ отлично освѣщеннымъ. Онъ двухъ-этажный; но внутри, вмѣсто втораго этажа, устроены только со всѣхъ сторонъ хоры на двухъ рядахъ массивныхъ столбовъ, которыми поддерживается вмѣстѣ и потолокъ зданія, такъ что все оно представляетъ одно стройное, обширное, нераздѣльное цѣлое. Ряды колоннъ, по пяти на сторонѣ, отстоятъ отъ стѣнъ на четыре аршина; на высотѣ вторыхъ оконъ настланы полы, составляющіе хоры, и между колоннами поставлены перила. Иконостасовъ требовалось два: одинъ для нижняго этажа храма, другой—для верхняго. Вся весна прошла въ установкѣ иконостасовъ и постановкѣ внутреннихъ столповъ, которые слѣдовало выкласть изъ камня для прочности зданія, но по краткости времени пришлось собрать ихъ изъ досокъ и кругомъ для вида оштукатурить; ими поддерживался потолокъ зданія, и къ нимъ же примыкали полы хоровъ со всѣхъ сторонъ храма. Видъ въ церкви являлся великолѣпный; но не было прочности въ такой скорой, на показъ сдѣланной внутренней отдѣлкѣ, которая и самимъ строителемъ храма считалась временною. Въ одно время съ внутреннею отдѣлкою храма выстроена была отдѣльно невысокая каменная колокольня. Андрей Ивановичъ вновь просилъ у Владыки дозволенія освятить отдѣланный нижній этажъ Софійскаго храма, освященіе коего во имя Софіи Премудрости Божіей, и совершено 21 іюня 1863 года соборне протоіереемъ Рыбинскаго собора Родіономъ Путятинымъ съ городскимъ и монастырскимъ духовенствомъ. Лѣтомъ того же года установлены иконы и въ верхнемъ иконостасѣ храма, который въ общемъ цѣломъ производилъ дивное впечатлѣніе своей величественностію. Освященіе его, во имя Воскресенія Христова, совершено 22 сентября того же 1863 года съ великою торжественностію архимандритомъ Югскаго монастыря Поликарпомъ, при участіи протоіерея Путятина, монастырскаго и городскаго духовенства. Масса богомольцевъ, городскихъ и сельскихъ, до тѣсноты наполнила храмъ. Торжествовали сестры съ настоятельницею монастыря. Особенно

же радовался самъ строитель, усматривая въ торжествѣ освященія храма освященіе своихъ трудовъ, и видя упріюченными всѣхъ сестеръ, искавшихъ спасенія и уже собранныхъ во единое, крѣпкое и необоримое о Господѣ пристанище. Да сподобитъ васъ всѣхъ Господь, замѣчаетъ въ своей запискѣ строитель обители, да сподобитъ всѣхъ наслѣдія нетлѣннаго и вѣчнаго на небесѣхъ. Святый Апостолъ Павелъ говорилъ Ефесскимъ христіанамъ (пресвитерамъ), что онъ три года, день и ночь, непрестанно со слезами, училъ каждаго изъ нихъ (Дѣян. Апост. 20, 31); и я грѣшный, по милосердію Божію призванный на сіе святое дѣло, три года трудился надъ созиданіемъ обители, со скорбію и испытаніями многими, въ увѣренности, что любезныя о Христѣ сестры всегда пребудутъ въ заповѣдехъ Господнихъ безпорочно и не престанутъ проливать ко Господу моленія, прошенія и благодаренія за создателей обители и всѣхъ благотворящихъ ей, имена коихъ да помянетъ Самъ Господь, и жертвы ихъ да пріиметъ въ пренебесный свой жертвенникъ. *И нынѣ, сестры, предаю васъ Богови и слову благодати Его, могущему наздати и дати вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ* (Дѣян. 20, 32). При начатіи дѣла многіе возставали противъ устроенія обители, считая оное несбыточнымъ по неимѣнію средствъ; но милосердый Господь даровалъ Свою помощь и открылъ такіе источники, которыхъ невозможно было и ожидать. Такъ явилъ Господь славу Свою, и сила Его явленною содѣялась въ немощи людей!

Съ освященіемъ соборнаго монастырскаго храма, Андрей Ивановичъ еще не считалъ дѣла своего по монастырю оконченнымъ, и продолжалъ трудиться и изыскивать средства къ дальнѣйшему благоустроенію обители. Много оставалось недоконченнаго въ устройствѣ помѣщеній сестеръ; постоянное поступленіе новыхъ лицъ, съ разныхъ сторонъ приходящихъ и заявлявшихъ желаніе быть принятыми, вызывало построеніе новыхъ зданій,— вслѣдствіе чего постройки продолжались постоянно въ теченіи 1864 года и даже далѣе. Въ ноябрѣ 1864 года послѣдовалъ запросъ изъ Святѣйшаго Сунода, на какія средства сооруженъ Софійскій монастырь, и сколько строителемъ онаго употреблено изъ своего собственнаго капитала? Вопросъ этотъ казался очень не легкимъ для

Андрея Ивановича. Труды его были очевидны, извѣстны каждому изъ гражданъ города, вѣдомы и властямъ ближнимъ и дальнимъ. Говорить о своихъ трудахъ, исчислять свои пожертвованія, Миклютинъ видимо затруднялся. Показать полностію количество своихъ на дѣло сіе затратъ, не позволяла ему скромность характера; оттого строитель уклончиво отозвался на данный ему вопросъ и сокрылъ всѣ свои пожертвованія, а обозначилъ только количество суммы, собранной отъ другихъ лицъ. Одновременно съ симъ состоялось и другое представленіе о настоятельницѣ обители, которой уже исполнился трехлѣтній періодъ времени монастырскаго послушанія и управленія обителью въ самое трудное время ея устроенія. Указомъ Святѣйшаго Сунода отъ 10 марта 1865 г. было предписано настоятельницу Софійскаго женскаго монастыря Любовь Ососкову удостоить постриженія въ чинъ иноческій,—и она, минуя рясофора, покрыта мантіею 1 мая въ своемъ Софійскомъ монастырѣ съ наречені̇емъ Софіею. Самый обрядъ постриженія совершенъ Благочиннымъ обители сестеръ, настоятелемъ Югской Дороѳеевой пустыни, архимандритомъ Поликарпомъ. Того же 1865 года, за заслуги по духовному вѣдомству, Высочайше награжденъ 25-го іюня золотою медалью на Александровской лентѣ и потомственный почетный гражданинъ, Рыбинскій первой гильдіи купецъ Андрей Ивановичъ Миклютинъ. Да даруетъ ему Господь за долговременные труды земные награду вѣчную и нетлѣнную на небесахъ!

Глава V.

Дальнѣйшія судьбы лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ устроеніи монастыря.

1. Ранѣе всѣхъ дѣятелей, видѣвшихъ торжество открытія Софійской обители, отошелъ ко Господу мужъ совѣта, руководитель странствовавшей дотолѣ женской общины, угличскій старецъ—отецъ Петръ. Кончина его послѣдовала въ 1866 году на 84 году его земной жизни. О смерти его и погребеніи будетъ сказано особо въ его

жизнеописаніи, а здѣсь приведемъ лишь выписку о томъ печальномъ событіи изъ записки Миклютина. „1866 года сентября 3 дня волею Божіею незабвенный нашъ молитвенникъ Батюшко-отецъ Петръ скончался и намъ оставилъ въ началѣ слезы о лишеніи его. Господу же угодно было, чтобы почившій старецъ тѣломъ своимъ пребывалъ съ нами вѣчно въ Софійской обители,—и мы за такую милость Божію уже не сѣтуемъ теперь, а духовно радуемся. Да упокоитъ его Господь въ вѣчныхъ обителяхъ и удостоитъ его быть и тамъ молитвенникомъ за насъ грѣшныхъ".

2. Въ 1870 году скончался самый дѣятельный помощникъ строителя обители, рыбинскій купецъ Николай Ѳокичъ Баскаковъ. Миклютинъ именуетъ его неизмѣннымъ своимъ другомъ, сподвижникомъ ему въ трудахъ строительства, первымъ и главнымъ изъ всѣхъ жертвователей на храмы Божіи, устроенные имъ Миклютинымъ. Мы видѣли Николая Ѳокича товарищемъ Миклютина по дѣлу устроенія рыбинской Покровской церкви; тогда онъ несъ на себѣ эту обязанность по избранію рыбинскаго городскаго общества, и выполнилъ ее добросовѣстно. При устройствѣ Софійскаго монастыря, участіе и въ созиданіи обители и въ постоянныхъ на это дѣло жертвахъ Николай Ѳокичъ принялъ на себя уже добровольно; тѣмъ болѣе, по этому, цѣнны и высоки его труды и жертвы его предъ Господомъ неба и земли, какъ добровольныя. Пожертвованія Баскакова, въ общей ихъ совокупности, были очень значительны и принесены милосердію Божію чрезъ руки Андрея Ивановича такъ скромно, что самъ Миклютинъ затруднился бы опредѣлить цыфру его пожертвованій. Жертвы приносились имъ непрерывно, и малыя, при каждомъ посѣщеніи созидаемой обители, и крупныя, при каждомъ случаѣ, когда становилась ему извѣстною скудость матеріальныхъ средствъ для храмоздательства. Жертвы эти вѣдаетъ одна Божія всевѣдущая премудрость, которая и возмѣритъ ему полнотою даровъ духовныхъ въ блаженномъ житіи будущемъ. Одно можно сказать утвердительно, что Миклютину не выполнить бы своей многосложной и многотрудной задачи созданія обители безъ усердной и постоянной помощи сего благочестиваго мужа. Тѣло его предано землѣ 15 февраля 1870 года въ городѣ Рыбинскѣ на Георгіевскомъ клад-

бищѣ, въ общемъ фамильномъ мѣстѣ упокоенія рода Баскаковыхъ, подлѣ матери его и роднаго брата Иліи, ранѣе скончавшихся. Съ кончиною сего христолюбца, Софійская обитель лишилась помощи сокровенной, которая, по слову Евангелія, давалась рукою сего мужа такъ, что самаго даянія не вѣдала рука его лѣвая; но благость Божія отняла эту помощь во время, для обители уже менѣе трудное по средствамъ къ ея существованію. Самъ строитель обители, по поводу кончины сего мужа, не преминулъ замѣтить, что обитель Софійская къ этому времени была уже ублаголѣпплена.

3. Строитель обители пережилъ своего сотрудника 15 годами; но эти годы жизни Андрея Ивановича, по неисповѣдимымъ судьбамъ провидѣнія, содѣлались наиболѣе трудными въ частной его жизни. Торговыя его дѣла годъ отъ году становились хуже, и капиталъ его все болѣе умалялся; семейныя же дѣла требовали постоянныхъ и значительныхъ издержекъ и вынуждали его входить въ долги. Въ запискѣ Миклютина нѣтъ ясныхъ указаній, который именно годъ изъ послѣдняго времени его жизни вышелъ особенно для него тяжелымъ и убыточнымъ. Тогда у него было закуплено, сравнительно съ предъидущими годами, много хлѣба; цѣны на него постоянно поднимались. Общее убѣжденіе торговаго класса людей было таково, что цѣны на хлѣбъ къ веснѣ удвоятся. Такъ же разсчитывалъ и Миклютинъ и, потому, всѣ возможныя для него средства затратилъ на хлѣбную закупь. Но весною цѣны на хлѣбъ, къ общему изумленію, неожиданно пали, и Миклютину пришлось потерпѣть большіе убытки отъ столь быстраго пониженія цѣнъ. Имъ овладѣли уныніе и какая то робость, которую не могъ онъ побороть въ себѣ до конца своей жизни. Впрочемъ, печальное положеніе своихъ дѣлъ Миклютинъ старался, по возможности, скрывать отъ жены и семейства; наступило однако же время, когда ужасную вѣсть объ угрожающемъ банкротствѣ пришлось передать семейству. Двадцать восьмое іюля 1882 года—тяжелый день для всего дома Миклютиныхъ! Послѣдовалъ домашній совѣтъ, на которомъ положеніе дѣлъ признано не поправимымъ, которое сокрывать долѣе оказалось невозможнымъ. О торговой несостоятельности Миклютина скоро узналъ весь городъ. Въ защиту себя отъ приключив-

шихся по торговлѣ несчастій, Андрей Ивановичъ обращался съ прошеніями въ Окружной судъ и къ банкамъ Рыбинскому и Волжско-Камскому; но всѣ таковыя ходатайства остались безъ успѣха. 8 іюня 1883 года рыбинскій купецъ Андрей Миклютинъ объявленъ былъ несостоятельнымъ. Послѣдовало конкурсное управленіе надъ его имуществомъ, оставшимся на лицо. 28-го іюня движимое имѣніе Миклютина было продано за одну четвертую часть его стоимости. На продовольствіе семейства члены конкурса рѣшили отчислять, въ теченіи шести мѣсяцевъ, по 25 рублей, и затѣмъ семья эта, прежде богатая, осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Послѣ движимаго, и недвижимое имущество продано было также дешево, и для уплаты долговъ безвыгодно; конкурсъ выручилъ только 30 копѣекъ за рубль, и тѣмъ покончилъ свои занятія, оставивъ навсегда темное пятно на торговой дѣятельности сего именитаго мужа. Наступила осень 1883 года, и съ ней суровая дѣйствительность обдала холодомъ обѣднѣвшее семейство. 7-го сентября въ квартирѣ Андрея Ивановича не оказалось наличныхъ денегъ даже на шайку молока. Господи, замѣчаетъ при этомъ бывшій строитель обители, Господи не попусти искушенія выше силы! На продовольствіе семейства началъ изживаться послѣдній рессурсъ—цѣнныя вещи изъ туалета Марьи Алексѣевны; проданы постепенно жемчугъ, золотая цѣпь, брошь аметистовая, серьги, часы, столовое серебро, и все это за полцѣны. Безъ притока постояннаго дохода, вырученныхъ за вещи денегъ стало не на долго, и та же нужда и голодъ вновь заставили себя чувствовать. Тяжелыя обстоятельства вынудили принимать милостыню отъ благотворителей и пособіе отъ Биржеваго комитета. Много разъ и безвозвратно пришлось Андрею Ивановичу одолжаться и пользоваться пособіями отъ дому купца Липовскаго, кромѣ уничтоженнаго имъ документа, отъ настоятельницъ Софійскаго и Мологскаго монастырей, отъ прежнихъ друзей Ѳ. Д. М. и отъ Ѳ. А. Черепанова, а также отъ добрѣйшаго Н. І. Тюменева. Годы старости Миклютина были тяжелы, нерадостны,—и только горячее участіе благотворителей помогло ему удержаться безропотно въ упованіи на промыслъ Божій и тихой благопокорливости волѣ Божіей. На кончинѣ дней жизни строитель Софій-

ской обители примирился съ удѣломъ бѣдности и не устами только, а и сердцемъ и умомъ навыкъ онъ взывать къ Богу: *благо ми, Господи, яко смирилъ мя еси* (Пс. 118, 68).

Кончина его послѣдовала 1885 года ноября 5 дня. Настоятельница Софійской обители игуменія Евгенія уступила ему, можно сказать, свое мѣсто, выпросивъ дозволеніе похранить его бренные останки въ паперти главнаго монастырскаго Софійскаго храма. При отпѣваніи тѣла протоіерей Рыбинскаго собора Іосифъ Клим. Ширяевъ почтилъ память сего христолюбца слѣдующимъ надгробнымъ словомъ [15]).

Нищъ есмь азъ, и въ трудѣхъ отъ юностп моея: вознесжеся, смирихся и изнемогохъ (Псал. 87, ст. 16).

„Отъ юности *нищъ*, отъ юности *въ трудѣхъ*, отъ юности несу ужасы Твои, и изнемогаю“,—многіе ли изъ смертныхъ вообще, многіе ли изъ православныхъ чтителей истиннаго Бога и Христа Его въ частности могутъ съ полнымъ разумѣніемъ и по чистой совѣсти примѣнить къ своей жизни эти слова псалмопѣвца и въ ней указать оправданіе ихъ, какъ основу для своего упованія на вѣнецъ правды, *его же воздастъ Господь любящимъ Его* и праведно потрудившимся для Него въ жизни сей? Послѣ общей всѣмъ наготы и слезной безпомощности при явленіи на свѣтъ изъ материнской утробы, многіе ли потомъ чувствуютъ нищету какую бы то ни было, которая поучаетъ стяжанію богатства въ оправданіяхъ Господнихъ? А затѣмъ—у многихъ ли людей бываетъ отмѣчена жизнь—отъ юности—тяжкими испытаніями Божія посѣщенія, которыя малодушіе человѣческаго сердца именуетъ ужасами гнѣва Его,—и при томъ такъ, чтобъ эти ужасы гнѣва Божія, сокрушая силу духа человѣческаго, всетаки не уничтожали бы ея въ конецъ, а лишь крайнимъ ослабленіемъ ея или изнеможеніемъ свидѣтельствовались, при смиренномъ въ тоже время испо-

---

[15]) Слово это съ большой расположенностью прислано авторомъ, а отпечатано въ настоящей брошюрѣ съ благословенія Его Высокопреосвященства.

вѣданіи многострадальнымъ труженикомъ величія и правды силы Божіей? Міръ или человѣчество, не смиряющееся въ гордынѣ ума своего предъ Богомъ, признаетъ нищетою только отсутствіе благъ земныхъ,—избытка въ богатствѣ, или въ развитіи ума своего, или въ почести и славѣ,—умомъ ли они добываются или даются вмѣстѣ съ рожденіемъ. Такихъ нищихъ, нищихъ довольствомъ земнымъ, очень много. О нищихъ же въ оправданіяхъ Господнихъ, о крайней скудости въ дѣлахъ добрыхъ, о безпомощности къ совершенію ихъ человѣкомъ безъ благодатной помощи Божіей, смиреніемъ пріобрѣтаемой,—тамъ, въ этомъ мірѣ, что, по слову Апостола, *весь лежитъ во злѣ* (1 Іоан. V, 19), и знать не хотятъ. Чувствуютъ ее и исповѣдуютъ неотступно—отъ юности своей до конца жизни—только истинные рабы Божіи, алчущіе и жаждущіе оправданія предъ Богомъ чрезъ всю жизнь, не смотря на постоянное преспѣяніе свое отъ *силы въ силу* въ подвигахъ добродѣланія. Иныхъ трудовъ, какъ только для стяжанія богатства и для охраненія иныхъ временныхъ благъ, не знаетъ міръ, *во злѣ лежащій*. Только у истинныхъ рабовъ Божіихъ вся жизнь отъ юности и до гробовой доски проходитъ въ трудѣхъ воздѣлыванія души своей, какъ Богоданной каждому человѣку нивы для возращенія на ней всего, *елика честна, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель, или аще кая похвала*—во славу Божію. Только для истинныхъ рабовъ Божіихъ и тяжкія посѣщенія гнѣвомъ Его обращаются лишь въ урокъ о безконечной любви Его къ людямъ, какъ чадамъ своимъ (Евр. XII, 7)—и, сокрушая въ нихъ гордыню самомнѣнія о своихъ якобы великихъ силахъ, приводятъ ихъ лишь къ смиренному исповѣданію величества силы Божіей.—Итакъ *да услышатъ кротціи, и возвеселятся* (Псал. 33, 3)! Возвеличимъ Господа и вознесемъ имя Его вкупѣ за то, что Онъ спасаетъ нищихъ духомъ, смиренныхъ сердцемъ возноситъ, и труждающимся для дѣлъ правды, любви и милости даетъ сѣсти на престолѣ своемъ и воцариться съ Нимъ во вѣки (Апок. III, 21)!

Предлежащій во гробѣ собратъ нашъ, рабъ Божій Андрей! Обозрѣвая мыслію всю твою прошедшую жизнь и взирая на христіанское скончаніе ея тобою, мы невольно нудимся возвеличить имя Господа въ сей прощаль-

ный съ тобою часъ. Не отмѣчена скудостію въ благахъ земныхъ юность твоя; но обиліе твоихъ душевныхъ силъ, при тяжкихъ гнѣвныхъ посѣщеніяхъ Божіихъ въ твоей послѣдующей жизни, свидѣтельствуетъ, что онѣ—эти силы возростали, спѣли и зрѣли въ душѣ твоей отъ лѣтъ нѣжной юности подъ неоскудѣвающимъ и животворнымъ дыханіемъ твоей нищеты духовной, твоего смиренномудрія, которое лишь въ Богѣ ищетъ себѣ и помощи, и похвалы, и славы. Доброе родительское ученіе въ Христіанскомъ благочестіи падало сѣменемъ добрымъ и плодоноснымъ на ниву души твоей. Кто изъ вѣдающихъ жизнь твою не знаетъ, какъ любилъ ты всегда *приметатися дому Божію*. Въ родителѣ получивши примѣръ радѣнія о храмахъ Божіихъ, ты чрезъ всю жизнь истаевалъ ревностію о благолѣпіи и о чинности совершаемаго въ нихъ Богослуженія. Эта обитель святая чуть ли не исключительно обязана своимъ возникновеніемъ твоему рвенію святому о ея бытіи, рвенію, Богомъ благословенному. Но съ нею вмѣстѣ приснопамятнымъ сохранятъ имя твое и благолѣпный нашъ Соборъ всеградскій и храмъ Покровскій, въ твоемъ усердіи и помощи обрѣтшіе много благовременной помощи себѣ. Эти подвиги твои ясно говорятъ, что не міру одному и стяжанію его благъ отдавалъ ты трудъ своей жизни, а трудился нелѣностно во славу и похвалу Божію. Въ годы твоего цвѣтенія благоспѣшностію дѣлъ твоихъ земныхъ знали тебя и цѣнили, какъ честь, знакомство съ тобою многіе мощные люди и въ мірѣ духовномъ--святители Божіи, и въ мірѣ гражданскомъ, и среди людей образованныхъ. Но это примѣтаніе къ кругу сильныхъ и славныхъ не надмило гордостію ни ума ни сердца твоего. При тяжкихъ гнѣвныхъ Божіихъ посѣщеніяхъ, время отъ времени тяготѣвшихъ надъ тобою въ лѣта зрѣлости, ты не падалъ духомъ. А когда въ лѣта старости и оскудѣнія силъ твоихъ тѣлесныхъ они полились на тебя непроглядной волной и сдѣлали нищимъ, какъ многострадальнаго Іова въ страшную годину испытанія неисповѣдимымъ судомъ Божіимъ, ты не палъ и тогда подъ ударами малодушнаго ропота! Напротивъ, за это страшное время, храмъ Божій не видѣлъ болѣе смиреннаго, болѣе постояннаго, болѣе пламеннаго молитвенника, изливавшаго лишь предъ Богомъ скорбь души своей. И тебя, собратъ нашъ,

тебя, столь пламеннаго любителя храмовъ Божіихъ, ихъ благочинія и благолѣпія, тебя щедродательнаго помощника ихъ нуждамъ и даже богатству ихъ, привелъ Богъ, подъ конецъ твоихъ тяжкихъ и злыхъ дней, на служеніи храму Его получить болѣзнь, симъ смертнымъ исходомъ закончившуюся во всемъ благодатномъ уготованіи истинно-христіанской кончины живота твоего и успокоиться бренными земными останками подъ сѣнію обители сей, что была всегда возлюбленнѣйшимъ чадомъ твоего боголюбиваго сердца.

Плачущіе у гроба сего! Слезная дань—неизбѣжная дань земнаго земному: и при живоносномъ гробѣ Господнемъ видимъ мы слезы въ очахъ святыхъ мvроносицъ. Но, послѣ этой дани земной, гробъ сей и для васъ, и для всѣхъ насъ предстоящихъ ему да будетъ радостнымъ знаменіемъ Божія благоволенія къ великому труженику жизни сей, въ немъ—въ семъ гробѣ обрѣтающему покой отъ треволненій житейскаго моря!

Вѣчная твоя память, достоблаженне и приснопамятне брате нашъ, Андрее! *Блаженъ путь, въ онь же идеши, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія!* Пасха Господня—твое настоящее прехожденіе, ибо отъ смерти къ жизни, отъ земли къ небеси совершаешь восходъ свой! Аминь.

7-го ноября
1885 года.

Глава VI.

Настоятельницы Софійскаго монастыря и другія замѣчательныя личности изъ числа сестеръ обители.

Строителю Рыбинскаго Софійскаго женскаго монастыря угодно было избрать первою его настоятельницею купеческую вдову изъ города Бѣжецка Любовь Алексѣевну Ососкову. Такое право предоставлено было Андрею Ивановичу, какъ строителю обители, самимъ Святѣйшимъ Сvнодомъ. Избранная сестра совмѣщала въ себѣ всѣ качества, желательныя въ настоятельницѣ обите-

ли. Надѣленная отъ природы свѣтлостію взгляда, быстрымъ пониманіемъ дѣла, теплотою чувства, она замѣтно выдѣлялась изъ числа своихъ сверстницъ. Лишившись супруга и оставшись бездѣтною, она пожелала проводить жизнь иноческую и открыла въ своемъ домѣ пріютъ другимъ вдовамъ и дѣвицамъ, искавшимъ жизни благочестной. Всѣ онѣ вмѣстѣ пользовались сначала совѣтами отца Адріана; съ кончиною его бѣжецкія сестры поступили подъ руководство отца Петра, и многія изъ нихъ перешли въ Угличъ, чтобы находиться вблизи своего наставника. Случалось, и эти сестры, еще изъ Бѣжецка приходя къ отцу Петру, говорили ему о монастырѣ, и онъ имъ открыто говорилъ: „будьте только сами готовы, а монастырь будетъ вамъ готовъ“. Съ устройствомъ монастыря Рыбинскаго, Угличскія сестры поступили въ новоустроенную обитель, и между ними и вдова Ососкова. Андрей Ивановичъ не могъ не увидѣть тѣхъ качествъ, которыми обладала эта сестра, и, съ согласія другихъ сестеръ, а равно и по своему внутреннему убѣжденію, просилъ Архипастыря утвердить ее въ званіи настоятельницы устроенной имъ обители. Первые годы по основаніи монастыря безспорно были самые трудные, въ открытой обители чувствовались постоянные недостатки; надобно было все заводить, устраивать, приводить въ порядокъ,—и Любовь Алексѣевна оправдала упавшій на нее выборъ. Дѣло настоятельницы она вела съ умѣньемъ и разумною осмотрительностію. Чрезъ три года управленія дѣлами обители она, съ утвержденія Святѣйшаго Сунода, приняла чинъ инокини съ новымъ именемъ Софіи. Скоро впрочемъ между Софіею и строителемъ возникло несогласіе, въ сущности изъ за мелочей обыденной жизни. По слабости здоровья, Софія имѣла у себя особый, хотя и не богатый, столъ; въ монастырѣ общежительномъ такое явленіе строителю показалось нарушеніемъ устава, не смотря на то, что келейные расходы настоятельницы, имѣвшей свой капиталъ, велись на ея деньги безъ нарушенія интересовъ обители. Миклютинъ заявилъ объ этомъ Епархіальному начальству, но начальство духовное не нашло въ такомъ явленіи ничего преступнаго. Недовольный результатами заявленія, строитель, ведшій все дѣло о монастырѣ чрезъ непосредственныя распоряженія Святѣйшаго Сунода, заявилъ объ

этомъ высшей духовной власти съ просьбою о назначеніи новой настоятельницы по усмотрѣнію Сунода,—и Святѣйшій Сунодъ призналъ возможнымъ уважить въ лицѣ Андрея Ивановича право строителя и назначилъ другую настоятельницу, изъ Симбирскаго Спасскаго женскаго монастыря игуменію Серафиму. Уволенной настоятельницѣ горько было переносить такую невзгоду, но несчастіе не побороло ея мужества и только дало новый толчекъ ея энергіи и дѣятельности. Софія осталась на жительство въ томъ же монастырѣ, гдѣ и находилась около двухъ годовъ времени, послѣ того, испросивъ дозволеніе на временную отлучку изъ обители, прибыла въ Бѣжецкъ и тамъ успѣла расположить гражданъ къ открытію своей женской обители. Первымъ двигателемъ этого дѣла явился Бѣжецкій купецъ Иванъ Михайловичъ Неворотинъ (сватъ Миклютина по выходѣ въ замужество дочери Миклютина за Ивана Ивановича Неворотина); онъ пожертвовалъ землю для устройства обители и немалое денежное пособіе; нашлись въ томъ же городѣ и другіе христолюбцы, которые предложили отъ себя достаточную денежную помощь. Заручившись согласіемъ гражданъ, Софія лично ходатайствовала въ С.-Петербургѣ объ открытіи Бѣжецкой женской общины, которая вскорѣ затѣмъ была преобразована въ женскій монастырь, въ которомъ и доселѣ монахиня Софія состоитъ игуменіею. Такъ ничтожное въ сущности несогласіе, послужившее поводомъ къ разномыслію, дѣйствіями промышленія Божія обращено во благо и спасеніе многихъ душъ, желавшихъ служить Богу въ чинѣ инокинь! Не излишнимъ признается здѣсь присовокупить, что Бѣжецкая женская обитель въ настоящее время обстроена вполнѣ достаточно; сестеръ въ обители до трехъ сотъ, земли до двухъ сотъ десятинъ. Для жительства сестеръ имѣются большіе каменные корпуса; при монастырѣ устроены: училище, больница, богадѣльня. Примѣрные труды игуменіи Софіи вознаграждены отъ начальства пожалованіемъ наперснаго креста и отъ Бѣжецкаго городскаго общества поднесеніемъ другаго креста, украшеннаго драгоцѣнными камнями, каковымъ дѣйствіемъ граждане Бѣжецка выразили скромной труженицѣ свою признательность за ея высокополезную и неутомимую дѣятельность.

Мѣсто Софіи въ Рыбинскѣ заняла игуменія Сера-

фима Николаевна Телѣгина (изъ рода купцовъ губернскаго города Рязани); она поступила послушницею въ Рязанскій женскій монастырь въ ранней молодости, гдѣ и обучена чтенію, письму и церковному пѣнію; имѣла она пріятный голосъ и потому назначена была исправлять клиросное послушаніе; въ 1830 году 14-го апрѣля пострижена въ рясофоръ, ранѣе двадцатилѣтняго возраста. Рязанскій архіепископъ (впослѣдствіи Ярославскій) Евгеній замѣтилъ ея отличныя способности и въ 1836 году перевелъ ее на должность казначеи въ Касимовскій Казанскій женскій монастырь, гдѣ въ томъ же году новая казначея пострижена въ монашество и состояла въ той должности въ теченіи десяти лѣтъ. Въ 1845 году монахиня Серафима, по собственному ея желанію, перемѣщена въ Симбирскій Спасскій женскій монастырь и, по прибытіи въ оный, опредѣлена управляющею обители той на правахъ настоятельницы, а 16-го декабря того же года возведена въ санъ игумени. Много пришлось тамъ потрудиться новопоставленной игумени. Попеченіемъ ея обновленъ холодный монастырскій храмъ, открыта при обители больница, устроена общая монастырская трапеза на 300 сестеръ, за каковые труды не разъ была объявлена игумени душевная благодарность Симбирскаго архіепископа. Въ то время сироты—дѣвицы духовнаго званія оставались тамъ безъ всякаго образованія; начальница Спасскаго монастыря усмотрѣла эту вопіющую нужду и открыла въ своей обители училище для тридцати сиротъ-воспитанницъ, за каковой трудъ, а вмѣстѣ и за примѣрно-усердную и ревностную службу по управленію монастыремъ, въ первый день іюля 1849 года Всемилостивѣйше награждена золотымъ наперснымъ крестомъ. Въ ея управленіе монастырь Спасскій принялъ видъ одной изъ лучшихъ и благоустроеннѣйшихъ женскихъ обителей,—и Епархіальное начальство Симбирской епархіи признало справедливымъ ходатайствовать о награжденіи игумени золотымъ наперснымъ крестомъ изъ кабинета Его Величества, украшеннымъ драгоцѣнными камнями, который и пожалованъ ей 26 августа 1856 года. Чрезъ три года послѣ того, за новые труды по устройству обители, настоятельница монастыря удостоена благословенія Святѣйшаго Сунода. Къ сожалѣнію физическія силы ея не устояли отъ посто-

янныхъ усиленныхъ трудовъ и непрестанной озабоченности духа. Еще къ большему разстройству ея здоровья привелъ ее случившійся въ обители сильный пожаръ, истребившій большую часть монастыря. Больная духомъ, изнемогающая физическими силами, игуменія Серафима рѣшилась искать себѣ успокоенія и нашла таковое въ Рыбинскомъ женскомъ монастырѣ, куда указомъ Святѣйшаго Сунода отъ 2 іюня 1865 года опредѣлена она въ томъ же званіи игуменіи. Въ Рыбинскъ она прибыла въ сопутствіи монахини Евгеніи, которой, вскорѣ по прибытіи, и поручила должность казначеи. Въ монастырѣ Софійскомъ, болѣе и болѣе изнемогая въ силахъ, игуменія Серафима вела управленіе обителью чрезъ посредство избранной ею казначеи, прожила только четыре года и отошла ко Господу на 56 году своей жизни. Объ ней записка Миклютина выражается въ слѣдующихъ словахъ: „1869 года сентября 16 дня скончалась незабвенная наша матушка Серафима, горѣвшая къ святой обители Серафимскою любовію; оставила она сестеръ въ великой печали. Но Господь милосердъ. Вмѣсто оплакиваемой настоятельницы Святѣйшій Сунодъ утвердилъ преемницею ея власти бывшую при ней казначею Евгенію".

Игуменія Евгенія (въ мірѣ Евсголія Ивановна Войникова изъ рода потомственныхъ дворянъ Симбирской губерніи) получила образованіе въ домѣ своихъ родителей; будучи 33 лѣтъ отъ роду, поступила послушницею въ Симбирскій Спасскій женскій монастырь, а чрезъ два года пострижена въ монашество и опредѣлена на должность казначеи 15 іюля 1848 года. Проходя съ усердіемъ и ревностію возложенную должность, Евгенія въ то же время состояла старшею надзирательницею въ монастырскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія и обучала воспитанницъ рукодѣлью, за что въ 1850 году получила архипастырскую благодарность, а въ 1856 году Всемилостивѣйше пожалована золотымъ наперснымъ крестомъ. Взятая въ спутницы игуменіею Серафимой при слѣдованіи ея въ Рыбинскъ, монахиня Евгенія стала неотлучной совѣтницей ея въ Софійской обители, а въ 1866 году опредѣлена на должность казначеи и несла на себѣ все бремя управленія монастыремъ при изнемогавшей силами настоятельницѣ, а по смерти ея опредѣлена ей преемницею. Въ санъ игуменіи возведена Архіепи-

скопомъ Ниломъ 6-го декабря 1869 года. Трудовъ для новой настоятельницы предстояло очень много. Обитель болѣе и болѣе привлекала къ себѣ сестеръ изъ всѣхъ сословій и постоянно вызывала сооруженіе новыхъ зданій. Первою заботою для Евгеніи было построеніе теплаго храма, болѣе помѣстительнаго. Бывшая въ монастырѣ Всѣхскорбященская церковь представляла очень много неудобствъ. Рѣдкій воскресный или праздничный день проходилъ безъ того, чтобы не было стѣсненія въ церкви для публики; иконостасъ и стѣны покрывались потоками охлаждавшагося пара; свѣчи не могли горѣть ясно предъ святыми иконами; въ болѣе помѣстительной церкви сознавалась неотложная потребность. Постройка ея начата въ 1868 году, продолжалась три года и окончена освященіемъ храма въ 1871 году. Эта церковь по размѣрамъ своимъ (15 саженъ длины и 7 ширины) представляется уже вполнѣ помѣстительною, а по внутренней отдѣлкѣ иконостаса, живописи и по цѣнности церковной утвари отвѣтствуетъ самымъ строгимъ требованіямъ ревнителей церковнаго благолѣпія. Въ то же самое время игуменіею построены два деревянные, на каменныхъ фундаментахъ, двухъ-этажные корпуса, болѣе 20-ти саженъ длины, и оштукатурены внутри и снаружи; каменныя между ними ворота, ведущія на монастырское кладбище, соединяютъ оба корпуса въ одно цѣлое. Въ 1873 году отстроенъ новый корпусъ, такъ называемый больничный, а въ 1875 году выстроенъ еще корпусъ, также деревянный и двухъ-этажный, оба на каменныхъ фундаментахъ и подъ желѣзными крышами, чего потребовалъ постоянно прибывающій ростъ обители. Доколѣ производились вышеозначенныя постройки, явилась ощутительная потребность въ капитальной ремонтировкѣ и холоднаго монастырскаго храма. Въ 1863 году онъ былъ отдѣланъ внутри наскоро, безъ всякаго разсчета о наблюденіи прочности, по очень впрочемъ уважительнымъ на то причинамъ. Въ теченіи протекшихъ десяти лѣтъ непрочность отдѣлки успѣла вполнѣ обнаружиться. Ветхостей оказалось много: полы осѣли, колонны, составленныя изъ досокъ, дали трещины и кривизны, потолокъ храма также оказался непрочнымъ. Въ 1874 году признано было не безопаснымъ отправлять въ немъ богослуженіе, которое въ томъ же году и прекращено. Съ это-

го времени настоятельница монастыря особенно была озабочена внутреннимъ переустройствомъ Софійскаго храма. Прежде всего положены были прочные фундаменты, и на нихъ внутри храма выложены круглые, каменные столпы въ массивныхъ размѣрахъ, необходимые, какъ для укрѣпленія потолка, такъ и для поддержки боковыхъ хоровъ; полы и потолки замѣнены новыми, всѣ другія ветхости и поврежденія исправлены, что стоило очень значительной затраты денегъ и четырехъ годовъ времени. Въ обновленномъ видѣ храмъ этотъ служитъ наилучшимъ украшеніемъ обители и во всѣхъ предѣлахъ Ярославской области представляетъ собою одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ церквей. Громадныя окна даютъ много свѣта, двойной рядъ богато позлащенныхъ иконостасовъ производитъ необычайный эффектъ; нѣсколько клеймъ живописи, прекрасно выполненной, постоянно возбуждаютъ мысль и чувство къ благоговѣйнымъ размышленіямъ. Обиліе свѣта отъ возженныхъ свѣчъ массивнаго среди храма паникадила дѣлаетъ храмъ вполнѣ освѣщеннымъ и при всенощныхъ бдѣніяхъ. Съ двойнымъ рядомъ иконостасовъ и двойнымъ рядомъ иконъ и хорами внутри всего храма, видъ въ немъ—великолѣпный и въ Ярославской епархіи до настоящаго времени не встрѣчавшійся. Благолѣпное убранство храма довершено богатою священною утварію, изящно отдѣланными цѣнными подсвѣщниками, которые стоятъ предъ каждою иконою, и богато украшенными заклиросными иконами. За правымъ клиросомъ храмовая икона Софіи Премудрости Божіей—(точное подобіе и мѣра съ иконы Новгородской) покрыта богатою сребропозлащенною ризою, осыпанною камнями и жемчугомъ. За лѣвымъ клиросомъ, въ симметрію къ первой, такого же размѣра икона Всѣхскорбящія Божія Матери въ сребропозлащенной ризѣ, украшенной жемчугомъ и камнями и стоющей двѣ тысячи рублей, кромѣ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Въ то же время постоянное увеличеніе числа сестеръ вынудило настоятельницу выстроить еще двухъ-этажный на каменномъ фундаментѣ, подъ желѣзною крышею, корпусъ, внутри и снаружи оштукатуренный. Въ такихъ трудахъ примѣрныхъ и неутомимыхъ Евгенія, въ должностяхъ казначеи и потомъ игуменіи, провела пятнадцать лѣтъ,—и Владыка—Архіепископъ Ярославскій, призналъ справедливымъ ходатайствовать о

награжденіи столь усердной и ревностной службы, вслѣдствіе чего настоятельница Софійскаго монастыря Высочайше „пожалована 18 апрѣля 1881 года золотымъ наперснымъ крестомъ изъ кабинета Его Величества, украшеннымъ драгоцѣнными камнями. При обозрѣніи церквей того года Преосвященнѣйшій Архіепископъ Іоаннъ, возлагая на игуменію этотъ знакъ отличія, привѣтствовалъ награждаемую рѣчью, живо и ясно изобразившую заслуги этой скромной труженицы.

„Всечестная игуменія Евгенія!

За благоустроеніе обители сей, за благопопеченіе о сестрахъ, ввѣренныхъ твоему руководству, за твое кроткое, безукоризненно-примѣрное иноческое поведеніе, награждена ты золотымъ наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями, изъ кабинета Его Императорскаго Величества. Въ жизни своей, при устройствѣ сея обители, ты много перенесла крестовъ; но тѣ кресты были отъ непріязни міра, отъ искушеній плоти, отъ вражды и непріязни лукаваго. Пріими же теперь иной крестъ, какъ знаменіе побѣды, одержанной тобою при помощи благодати Божіей; Пріими крестъ Христовъ и всегда потщися взирать на него очами твоея вѣры. Въ немъ найдешь для себя и укрѣпленіе въ старческихъ немощахъ твоихъ и опору въ материнскихъ трудахъ твоихъ; въ немъ же преподается тебѣ болѣе твердое и ясное обнаруженіе упованія твоего на достиженіе живота вѣчнаго. Потщися до конца пройти подвигъ твоего крестоношенія съ тѣмъ же постоянствомъ, съ тою же непоколебимостью духа среди невзгодъ и непріятностей, какими отличался путь твоей жизни доселѣ. Потщися пребыть твердою въ вѣрѣ, непоколебимою въ упованіи, неизмѣнною въ любви Христовой, далекою отъ духа гордыни и превозношенія,—и нелицепріятный Судія всѣхъ человѣковъ воздастъ тебѣ воздаяніемъ правды, воздаяніемъ вѣчнымъ за всѣ труды, печали и скорби, понесенныя тобою ради Господа въ здѣшней временной жизни“.

И по полученіи награды, эта доблестная труженица не успокоилась отъ трудовъ, не почила на лаврахъ, а продолжаетъ трудиться и дѣло благоустроенія монастыря поставила твердо и прочно. На пути къ городу

вся дорога отъ монастыря покрыта мостовою, что стоитъ нѣсколькихъ тысячъ рублей. Чрезъ рѣку Коровку, пересѣкающую монастырскій путь къ Рыбинску, сооруженъ прочный мостъ, стоющій не одной тысячи рублей; устроенъ также и кирпичный заводъ въ обширныхъ размѣрахъ, потребовавшій затраты значительнаго капитала. Въ послѣдніе три года начатъ сооруженіемъ каменный трехъэтажный корпусъ, 38 саженъ длины, съ новою каменною среди его колокольнею, вышиною болѣе 20 саженъ; и эта многоцѣнная работа приводится къ окончанію. Кромѣ всего перечисленнаго, неутомимая настоятельница, не взирая на свою 72 лѣтнюю старость, уже приступила къ сооруженію четвертой церкви на своемъ монастырскомъ кладбищѣ,—и это предпріятіе не замедлитъ совершиться въ близкомъ будущемъ.

Ко всему сказанному не излишне присовокупить, что въ настоящее время проживаютъ въ обители, кромѣ настоятельницы и казначеи, 34 монахини, 131 рясофорная послушница и 133 бѣлицы, проживающія по увольнительнымъ видамъ отъ городскихъ и сельскихъ начальствъ для приспособленія себя къ монастырской жизни въ надеждѣ поступленія на постоянное жительство. Земли разныхъ угодій имѣется при монастырѣ, или же не въ далекомъ отъ него разстояніи, 258 десятинъ съ саженями; вѣчныхъ вкладовъ, служащихъ обезпеченіемъ монастыря, значится, по записи въ монастырскихъ книгахъ, 31050 р.

Такъ созидалось и совершилось начатое молитвою къ Богу святое дѣло устроенія Софійской обители, не смотря на скудныя къ тому средства! Безъ всякаго прекословія, можно считать эту обитель, въ настоящее время, вполнѣ благоустроенною и цвѣтущею благочестіемъ, Правда, нѣтъ еще на церквахъ ея позлащенныхъ главъ; но вмѣсто блеска земныхъ стяжаній яркимъ золотомъ блестятъ въ обители той: послушаніе сестеръ безропотное, вѣра и упованіе на Промыслъ Божій непоколебимыя, труженическая жизнь обительницъ примѣрная. Въ обитель Софійскую, какъ ни малы годы ея существованія, не рѣдко приходили искать спасенія души и обученія подвигамъ иночества личности замѣчательныя по своимъ душевнымъ способностямъ, которыхъ Провидѣніе Божіе переставляло въ другія мѣстности уставщицами жизни иноческой и строительницами новыхъ женскихъ

обителей. Труды и подвиги таковыхъ сестеръ стяжали Софійскому монастырю лучшую славу, чѣмъ наружный блескъ золота или сребра. Долгъ справедливости обязываетъ насъ, хотя кратко, упомянуть здѣсь о такихъ сестрахъ, которыя первоначально подвизались въ здѣшней обители и здѣсь почерпнули силы явиться въ другихъ обителяхъ на высшемъ поприщѣ дѣятельности.

Первою изъ бывшихъ инокинь Софійскаго монастыря, безспорно, можетъ быть поставлена монахиня Софія, о которой уже сказано нами ранѣе. Она стала именитою по своимъ подвигамъ созданія женской обители Бѣжецкой и въ настоящее время, въ званіи игуменіи, управляетъ и руководитъ тремя стами сестеръ, населяющихъ женскій монастырь Бѣжецкій.

Второю изъ бывшихъ обительницъ Софійскаго монастыря назовемъ монахиню Досиѳею, о которой подъ руками имѣется печатное извѣстіе, и которая въ настоящее время, по благости Божіей, состоитъ игуменіею Вышневолоцкой Казанской женской обители. Монахиня Досиѳея, въ мірѣ Александра Васильевна Салтыкова, дѣвица крестьянскаго происхожденія, впослѣдствіи мѣщанка, поступила послушницею въ Рыбинскій Софійскій монастырь въ маѣ 1860 года, покрыта рясофоромъ 1864 года 25 февраля и въ монастырской вѣдомости за 1866 годъ именуется уже Досиѳеею, съ обозначеніемъ и мірскаго ея имени. Въ 1870 году 14 іюня она была вмѣстѣ съ рясофорною монахинею Августиною пострижена въ монашество. По совѣту и предреченію отца Петра, прозорливаго старца угличскаго, она получила благословеніе потрудиться въ устроеніи своего собственнаго монастыря; выполнить это благословеніе она поставила задачею своей жизни. Однажды прибыла Досиѳея въ городъ Вышній Волочекъ съ благочестивой и добродѣтельной спутницей М. И. Анисимовой. „Тамъ (скажемъ далѣе словами Церковнаго Вѣстника за 1885 годъ ч. неоффицальн. стр. 323), въ Волочкѣ, прежде была неудобная городская земля, которую купилъ бывшій предводитель дворянства, князь Путятинъ, и отдалъ матери Досиѳеѣ, нынѣшней игуменьѣ. Маленькая, тщедушная съ виду, но съ необыкновенной энергіей, эта женщина прибыла въ Вышній-Волочекъ, руководимая указаніемъ одного старика-священника, что она должна въ Волочкѣ

устроить обитель. И она дѣйствительно нашла благотворителей и устроила, да такъ быстро, какъ трудно себѣ и представить. На мѣстѣ пустаго поля да болота съ кочками имѣется обширная площадь, застроенная зданіями и деревянными флигелями, въ которыхъ живетъ до 400 сестеръ, имѣется теплый каменный храмъ, а по срединѣ стоитъ большой и богатый каменный соборъ, прекрасной архитектуры. На станціи желѣзной дороги въ Спировѣ (Николаевской жел. дороги) имѣется церковь отъ монастыря и подворье, въ которомъ живетъ до 100 сестеръ, да еще вблизи обители киновія съ церковію. Въ самой обители—хорошія мастерскія: иконописная, ткацкая, шьютъ одежду, дѣлаютъ ковры, есть больница и аптека, а всѣхъ сестеръ болѣе 500. И все это въ двѣнадцать лѣтъ. Теперь воздвигается колокольня, каменная, вышиною въ 35 саженъ". Не нужно говорить, какъ точно и полно выполненъ Досиѳеею совѣтъ угличскаго старца? Видно, въ самомъ старцѣ могущественно дѣйсвовалъ Духъ Божій, и съ совѣтомъ, имъ даннымъ, преподана обильная струя благодати смиренной инокинѣ! Да и мать Досиѳея, видѣвшая первые годы устроенія Софійской обители и въ ней пребывавшая, опытно изучила способы занятія симъ дѣломъ и потому явилась столько сильною въ святомъ подвигѣ созиданія обители.

Третья изъ бывшихъ обительницъ Софійскаго монастыря есть монахиня Митрофанія, въ мірѣ Марья Михайловна Крюкова, дѣвица изъ крестьянъ, приписанная къ мѣщанству. При открытіи Софійской обители, она поставлена казначеею 29 іюля 1861 года, пострижена въ монашество и покрыта мантіею 12 марта 1867 года, неисходно пребывала въ монастырѣ до 1882 года, въ которомъ поставлена начальницею Иверской обители Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда. Въ общинѣ, управляемой Митрофаніею, состоитъ болѣе 200 сестеръ.

Четвертая монахиня Антонина, въ мірѣ Аграфена Аггѣева Свистова, дѣвица изъ мѣщанскаго званія, покрыта рясофоромъ тридцати шести лѣтъ отъ роду въ Софійскомъ монастырѣ 28 сентября 1867 года, и состояла въ клиросномъ послушаніи, впослѣдствіи пострижена въ монашество, съ 1883 года состоитъ начальницею Вознесенской общины въ городѣ Кинешмѣ, Костромской губерніи. Сестеръ въ этой общинѣ до 50-ти.

Пятая монахиня Сергія, въ мірѣ Анастасія Ѳедоровна Середина, дѣвица изъ мѣщанскаго званія, покрыта рясофоромъ въ Софійскомъ монастырѣ 14 іюля 1866 года и состояла церковницею, съ 1874 года по 1876 г. была начальницею Іоанно-Предтечевской Леушинской общины Череповскаго уѣзда въ Новгородской губерніи; но сестры, видя ея всепокрывающую скромность и непамятозлобіе, не захотѣли ея слушаться, и она рѣшилась оставить занимаемое ею мѣсто начальницы, и вновь возвратилась въ Рыбинскую обитель. Пребывая здѣсь, она однажды наложила на себя обѣтъ молчанія и не произносила ни одного слова цѣлыхъ два года; въ настоящее время находится уже въ преклонной старости.

Шестая монахиня Августина, въ мірѣ Анна Карповна Любомирова, вдова послѣ священника, поступила въ Софійскій монастырь въ маѣ 1860 года и назначена въ клиросное послушаніе, покрыта рясофоромъ 16 февраля 1866 года, въ той же обители пострижена въ монашество и пребывала въ ней неисходно до 1884 года, когда назначена быть и нынѣ состоитъ начальницею Севастіановой женской общины въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи. Обитель эта вдали отъ города (Пошехонье въ 25 вер.), среди лѣсовъ и низменныхъ и болотныхъ пространствъ, бывшихъ едва проходимыми, окружена селеніями, проникнутыми расколомъ; не смотря на столько невзгодъ, эта труженица мужественно борется съ препятствіями, пріобрѣла благотворителей своей общинѣ и дѣйствуетъ успѣшно въ ея благоустроеніи.

Такъ и въ нашъ матеріальный, холодно-расчетливый вѣкъ въ православномъ царствѣ Русскомъ свободно возникаютъ, по дѣйствію любви къ Богу, вертограды Христовы въ руководство и спасеніе дѣвъ и вдовицъ, возжелавшихъ служить Богу жизнью дѣвственной и подвигами благочестія. Еще, благодареніе Богу, не умалились у насъ Христолюбцы, которые не щадятъ своихъ сокровищъ и щедро изждиваютъ ихъ въ славу Христа Спасителя и во благо и спасеніе своихъ ближнихъ, жертвуя тысячи своихъ трудовыхъ рублей на устроеніе обителей и храмовъ Божіихъ. Когда въ католической франціи существуетъ чуть не открытое гоненіе на христіанъ, и крестъ Христовъ изъемлется изъ общественныхъ учебныхъ, благотворительныхъ, судебныхъ и административ-

ныхъ учрежденій [16]; у насъ, въ православной Россіи, благочестіе цвѣтетъ, храмы Божіи украшаются лѣпотою, обители дѣвственницъ умножаются въ числѣ,—и дѣвы, и жены и инокини, даже неученые, не только умудряются во спасеніе свое и многихъ другихъ, а еще и удивляютъ своими о имени Христовомъ подвигами. Какое отрадное явленіе! Духъ Божій, Духъ Христовъ видимо дѣйствуетъ въ Православіи и являетъ въ сынахъ и дщеряхъ народа Русскаго благіе плоды вѣры и благочестія.

Протоіерей *Флегонтъ Моревъ.*

---

[16]) Въ Парижѣ, столицѣ христіаннѣйшей Франціи, крестъ изгоняется отовсюду (Церк. Вѣстн. 1885 года часть неофф № 34, стр. 549). Въ послѣднія пять лѣтъ Французское правительство ведетъ почти открытую войну противъ церкви и сдѣлало не менѣе 72 враждебныхъ предложеній и мѣропріятій противъ церкви, и изъ нихъ восемнадцать выпадаетъ на текущій 1886 годъ. (Церковный Вѣстн. № 43, 1885 года стр. 720).